

ВЛАДИМИР
ПЕРЛОВ

Последний закон Ньютона

12+

Владимир Перцов

Последний закон Ньютона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63123936

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов легендарного писателя-юмориста и театрального режиссера Владимира Перцова о жизни в советское и постсоветское время. В емких, метких зарисовках автор предлагает свежий и жизнеутверждающий взгляд на прошлое страны, убедительно доказывая: то было яркое время.

Герои рассказов живут обычной жизнью, в которой совершают экстравагантные, как на сегодняшний вкус, поступки: делают обрезание, учат выпивать дам бальзаковского возраста и бальзаковской же национальности, охраняют Мавзолей, пугают вишню, сторожат Днепр, заведуют временем. И еще много того, что современнику и в голову не придет. Все это до слез смешно... или грустно. Такой у автора стиль.

Владимир Перцов

Последний закон Ньютона

ВОТ ТАКОЕ МУРАКАМИ

(вместо предисловия)

У автора есть старинный друг, Сергей Б. Живет он в Москве, а сам художник. И художник отчасти знаменитый. Поэтому сам он продвинутый, жена у него еще продвинулее, а сына в этом смысле можно догнать только на «Формуле-1».

А так – нормальная московская семья.

Как-то автор приехал к этому Сереже и подарил свою книжку, будучи уверен, что он из тех немногих, кто догонит написанное сполна.

Подарил, надписал положенные слова и уехал восвояси, такой уверенный.

Приехал в другой раз, спросил, как бы между прочим, ну, Сережа, как тебе книга? Друг-художник как-то брехливо забегал глазами, затем набрался духа, сказал: «Понимаешь, старичок, ну, не Мураками!» Что в переводе с продвинутого значит, может, тебе лучше писать не рассказы, а, например, заявления на единовременную помощь.

Честно говоря, автор расстроился. Ибо, понятно, рассчитывал на другое.

Тем дело и закончилось.

Но ненадолго.

Примерно через год встретились в Киеве. У общего друга, тоже художника. И вот, пока хозяин готовил скудную мужскую закуску, этот продвинутый донельзя Сережа вдруг молвит таковы слова:

– О старичок, забыл тебе сказать большое спасибо!

Автор слегка удивился, мол, ни в чем таком не замешан. На всякий случай спросил, за что именно?

– За твою книгу, – как ни в чем не бывало, ответил Сережа.

– В смысле? – спросил автор.

– В смысле, – ответил Сережа, – когда мне было плохо, я брал и читал, и мне становилось легче. Так что я твой должник!

Ага, злорадно подумал автор по-украински: «Прыйшла коза до воза!»

Но промолчал. Ибо для писателя – это самая высокая оценка его скромного творчества.

С мыслью, что эта книга еще кому-то поможет, автор и предлагает ее вниманию, как говорилось раньше, любезного читателя.

Кстати, сказал Сережа те слова, будучи *совершенно трезвым*.

А это дорого.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКОН НЬЮТОНА

Последний закон Ньютона

И вот наконец демократия победила.

Вот она уже стоит, и ее можно потрогать за глаз. И никто уже и не вспомнит, как она хорошо начиналась.

А жаль, тогда происходило много поучительного и даже удивительного.

Короче, репортаж-напоминание с первых заседаний, например, украинского независимого парламента. Вместо «украинского» по желанию можно подставить «молдавского», «российского», «азиатского». Они тогда все были похожи.

Итак, большое ярко освещенное помещение. В помещении полно как мужчин, так и остальных решительных депутатов. Депутаты так страшно любят независимость, что каждый второй готов целовать ее взасос и отдать за нее жизнь, но все нет подходящего случая. Обстановка в зале накалена, в воздухе стоит легкий чад перегретых мозгов. У председателя под глазами синяки от недосыпа, более яркие – от мордобоя. То есть идет нормальный законотворческий процесс.

Председатель сидит лицом к залу в окружении множества бумаг, говорит нервной скороговоркой:

– Панове депутаты, обстановка в нашей любимой респуб-

лике вам известна: Украина гибнет, погода неблагоприятная, жизнь короткая, до конца сессии осталось три дня, а нам еще нужно принять двести пятьдесят законов, три тысячи подзаконных актов, две Конституции и форму буханки национального хлеба! Кто за такой регламент, прошу голосовать!

Тут к микрофону в зале прорывается крайне правый, которые бывают во всех цивилизованных парламентах. Правый что-то кричит, размахивая над головой пиджаком.

Председатель:

– Нет, я вам слова сегодня не дам! И завтра не дам! И микрофон отключу навеки! От вашей фракции ничего конструктивного, кроме «топить жидов и вешать москалей!» Отойдите от микрофона! Оттащите там его за голову!..

Правого оттаскивают, председатель начинает продолжать законотворчество – ворошит на своем кону председательские бумаги, что-то ищет. Страдальчески морщится:

– Поважные депутаты, на ваше рассмотрение выносятся... выносятся... черт его маму знает, что тут выносятся... Ага, вот оно! На ваше рассмотрение выносятся «Первый закон Ньютона»!.. Что-то название знакомое. Мы этот закон, случаем, не принимали? У кого память хорошая?.. Нет?! Ладно, читаю предлагаемый закон. «Всякое тело сохраняет состояние покоя или прямолинейного движения...» Точно мы этот закон принимали, а когда?.. Короче, дальше по тексту! Призываю вас, панове депутаты, принять этот закон в первом чтении, прямо не читая! Кто «за», прошу голосовать!

Возле микрофона в зале возникает фигура депутата от оппозиции:

– Оппозиции непонятно!

Председатель:

– Что вам обратно непонятно, только коротко!

Оппозиция:

– Коротко: чье тело?

Председатель нервно:

– Чье тело?!

Оппозиция:

– В вашем тексте «всякое тело»! Чье тело «всякое»?!

Председатель вздыхает, лезет в свои бумажки:

– «...состояние покоя...» Значит, покойное тело, что непонятно?!

Оппозиция:

– То есть мы принимаем Закон о покойниках?

Председатель сильно пугается этого слова, собирает с пола бумаги:

– Кто вам сказал, о покойниках... Да, о покойниках, как вы выражаетесь! Если мы пока не в состоянии ничего сделать для живого гражданина нашей независимой республики, то мы просто обязаны, чтобы он почувствовал заботу о себе, когда покинул нашу независимую республику по независящим от нее обстоятельствам! Прошу меня не путать, кто «за» – прошу нажать!

Но нажать не удается. Возле микрофона возникает кто-то

из центристов.

Центр:

– Поважанный председатель, поважанные паны депутаты, разрешите по существу. Тут в тексте сказано «сохраняет равномерное движение». Вопрос к поважаной оппозиции: куда может равномерно двигаться покойное тело?

Оппозиция кричит с места:

– На кладбище, что непонятно, козлы?!

Центр культурно:

– От козлов слышим! Это вашей фракции давно пора на кладбище, вместе с вашим атаманом!

Сцепились. Председатель шарит по столу: что бы в них бросить тяжелое. Не находит, ибо все тяжелое давно брошено.

Председатель:

– Расцепите их там!.. Кстати, хотелось бы выслушать авторов закона! Депутат Ньютон в зале есть?! Что за фамилия такая, прости господи! Опять нету?!

Возникает кто-то из либералов:

– Разрешите!

Председатель кричит мученически:

– Давайте в темпе! Мы принимаем только Первый закон Ньютона, а неизвестно, сколько у него еще, у меня все бумаги перепутаны, кто-то явно ходил по столу, вот отпечатки ног!

Либерал:

– Предлагаем наше прочтение рассматриваемого закона.

Хочу напомнить, что, согласно науке, в природе существует три типа физических тел: мужское, женское, жидкое и газообразное. Итого пять...

Председатель:

– Короче, ботаник!

Либерал:

– В вашем варианте «всякое тело сохраняет... состояние покоя... пока другое тело не выведет его из этого состояния». Так?

Председатель:

– И что?..

Либерал:

– Ничего не понятно, ни черта! Но! Если вместо «всякое» тело мы подставим «женское» – можно голосовать!

Председатель тупо ворочает головой, как бы собираясь боднуть трибуну.

Либерал:

– Какое тело может вывести женское тело из состояния покоя?

Крик в зале:

– Давай, не томи!

Либерал:

– Предлагаем наше прочтение вашего закона: «Женское тело сохраняет состояние покоя, пока мужское тело не приводит его в состояние равномерного движения».

Председатель тупо:

– Логично! А что скажут авторы закона?! Депутат Ньютон!.. Поважанные коллеги, кто в последний раз видел депутата Ньютона и где именно?!

Поднимается дремучий мужчина в мятом пиджаке и соломой в прическе.

Председатель радостно:

– О депутат Ньютон. Давайте по существу.

Мужчина хрипло:

– Я извиняюсь, я извиняюсь, я извиняюсь, я изви...

Председатель:

– Ты можешь по существу?!

Мужчина:

– Я слышу тут намеки про тело, я извиняюсь!

Председатель:

– Какое еще тело?!

Мужчина:

– Депутатское тело, я извиняюсь!

Председатель кричит:

– Вы кто такой, я извиняюсь!

Мужчина:

– Депутат Лопата, сто тридцать девятый приусадебно-избирательный участок! Да! Они нашли мое тело, а им даже спасибо не сказали! Месяц пролежало депутатское тело в городском фонтане, как цветок в пыли, а они тут намекают, сатирики, я извиняюсь!

Председатель:

– Так что вы хотите, конкретно?!

Мужчина:

– Вношу поправку в Конституцию: всякое депутатское тело не обязано ночевать в фонтане, как это принято в цивилизованных парламентах Азии, Африки и Латинской Америки.

Внеся поправку, депутат Лопата тут же стоя засыпает.

Председатель срывается на жуткий крик:

– Панове депутаты! Клянусь, больше никому слова не дам! Сам попринимаю все законы к чертовой матери!.. А? Что?.. Тут мне подсказывают, что депутат Ньютон уже умер. Наш коллега пошел от нас, а мы не можем договориться, чье нам тело лучше: женское или депутатское. Позор! Панове депутаты, прошу почтить память нашего товарища, депутата Ньютона Исаака... кто мне подскажет отчество... Ладно, Ньютона Исаака без отчества почтить память принятием его Первого закона!

На «Исаака» вырывается правый, что-то оттуда кричит.

Председатель кричит:

– Да, Исаака! Да, еврея Исаака закон! Примем обязательно! Он все равно выполняться не будет, а родственникам, может, будет приятно! Вырвите у него там микрофон! Забейте досками!.. Так, кто за первый закон еврея, прошу нажать на ньютона! Тьфу!

В проходе появляется большой конкретный военный.

Председатель, остывая:

– Армия просит слово.

Военный:

– Товарищи панове депутаты, я человек военный, поэтому у армии накопились вопросы. Например, перевод армейских команд на державную, я извиняюсь, мову!

Председатель:

– Например!

Военный:

– Например. Когда державные команды «налива» или «направа», «стый» или там «ура!» – все понятно. Но бывают накладки. Возьмем команду «раком руш!»

Председатель на грани потери рассудка:

– Куда, куда?!

Военный просто:

– Раком, извиняюсь! Приезжаю в часть, полковник командует державную команду, полк становится, извиняюсь, вот так, и в таком виде идут торжественным маршем вместе с оркестром!

Председатель, дошло:

– Не «раком», а «кроком»! Шагом марш!

Военный просто:

– Мы люди военные. Но нам понравилось. Особенно, когда женская дивизия, так другой раз смотришь, в каждом глазу по биноклю. Короче, у нас просьба этот вопрос решить. А мы – мы люди военные!

Председатель смотрит на часы, ужасается:

– Паны депутаты! Закрываю прения к чертовой матери!
Кто за первое женское тело, прошу нажать раком!

Процесс голосования прерывает появившаяся решительная женщина:

– Уважаемые мужчины, прошу слова!

Председатель:

– Вы от кого?!

Женщина:

– Я от уборщиц нашего уважаемого парламенту. У меня вчера было чисто! И позавчера было чисто. А сегодня у меня нечисто! Прихожу в мужской туалет, а в шестой кабинке через все двери написано, вот, читайте, я переписала!

Председатель громко читает:

– «Здесь седел Вова, двести четырнадцатый избирательный участок!» Владимир Семенович, не прячьтесь! Вы член цивилизованного парламента, а вы что в туалете пишете?! Разве «седел»?! Сидел!

На «сидел» вновь вскакивает правый, что-то оттуда кричит.

Председатель безнадежно:

– Хорошо, я дам вам слово! Но если еще раз услышу про топить жидов и вешать москалей!..

Правый спокойно:

– Паны депутаты, я не буду говорить про политику! Я буду говорить про экологию. Паны депутаты, Украина гибнет, реки мелеют, деревья сохнут. Если так и дальше, *скоро не*

будет где топить жидов и вешать москалей!

И тут, как говорится, началось.

А чем это все закончилось – сегодня известно даже идиоту.

Солдатушки

Разные бывают песни. Бывает, за душу так и возьмет, а бывает, дрянь; дрянью сделанная и дрянью сбаванная – три в одном.

Но это уже не песня, так – желудочная эмоция.

А еще бывают песни странные. Автор с детства, помнится, бормотал: «Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ваши жены?..» Эти солдатушки ему представлялись такими, с завернутыми усами, круглым румянцем на щеках и хитрым глазом – как на картинке в книжке русских сказок. Вот этот солдатушка стоит с ружьем, а рядом скачет на коне, видно, его начальник; тоже румяный в треугольной шляпе и сабля в руке, а конь у него тоже нарядный, на него похож, только без румянца, конечно. И этот начальник спрашивает: «Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ваши жены?!» А солдатушка не знает, кто, но сам хитрый, говорит: «Наши жены в пушки заряжены!» И видно, что врет, потому, что никакая жена, конечно, в пушку не пролезет, даже никудышняя. А начальник на это скачет себе с сабелькой; он, может, и спросил просто так, чтобы развеяться....

Вот такая это была чудная песня. Там еще было про: кто ваши сестры, тетки, короче, родственники. И родственники там, честно говоря, тоже были странные, не лучше жен.

Да. И вот однажды автор услышал эту песню уже во взрослом состоянии и целиком. А услышав, задумался. Как бы не совсем глупой показалась ему эта песня. Даже больше – взяла за душу и держит до сих пор. И вот под впечатлением услышанного автору привиделось такое.

Кстати, написано это все более двадцати лет назад, а поди
ж ты...

Глава 1

Солдатушки – бравы ребятушки,

а кто ваши жены?

Наши жены – пушки заряжены,

вот кто наши жены.

С этой песней на сцене появляются двое солдат: русский и украинец-хохол. В данный момент они – Капрал и Рядовой. А действие происходит во времена Суворова. И заняты они вековой солдатской каторгой – строевой подготовкой, которая тогда называлась правильным словом «муштра».

Где-то вдалеке тарыхтит барабан и зудит флейта.

Капрал:

– Нogu выше! Носок, носок вперед тяни!

Рядовой:

– Так я той носок уже так тягну, що глаза назад в голову втянулись!

Капрал:

– Ничего, тяжело в ученье, легко в бою.

Рядовой:

– Так що я, и в бою буду ногу тягнуть?

Капрал тоже устал:

– Вот хохол ленивый, тебе бы только лавреники трескать!.

Рядовой обижен:

– Вареники!

Капрал:

– Коли я сказал, стало быть, верно! Давай!

Рядовой:

– Кого?

Капрал:

– Что «кого»?!

Рядовой скороговоркой:

– Вы казали, давай, а що вам давать, не казали. А я думаю, такой у мене хороший капрал, все йому оддав бы, но хочеться так дать, щоб узяв и бильше не спрашивав, розкажить лучше, як вы и Суворов Измаил взяли!

Капрал даже потряс на это головой:

– Какой Измаил?.. А-а, Измаил... А-а, в смысле Измаил!

Ну, присядем.

Сели. Капрал набивает трубку. Жмурится от приятных

воспоминаний.

Капрал:

– Слушай. Стоим мы, значит, лагерем. Так, значит, турка, а так мы. А вот так вот погода ничего себе, вроде сегодня. Ну, я значит, маленько выпил, да не закусил...

Рядовой:

– Не успилы?

Капрал:

– Да тут, значит, труба на приступ, тут либо выпивать, либо закусывать. Ну, мне хорошо, я уже могу в одиночку город на штык взять, хоть меня отговаривают. А тут, значит, Александру Васильевича нелегкая принесла, дай ему Бог многие лета жизни, никогда не знаешь, когда его нанесет... Слушай, дак я тебе уж три раза рассказывал...

Рядовой хладнокровно:

– Шить. Но я б от слушав бы вас, и слушав бы, и слушав бы...

Капрал:

– Ах ты, лавреник хитрый! Я тебя счас погоняю!

Рядовой показывает:

– Господин капрал, хто это?!

Капрал:

– Господи, это же он... Александр Васильевич! Пресвятая Богородице, пронеси... Сюда едет... Смотри мне! Во фронт! Ногу, ногу опусти!

Рядовой:

– Нэ могу, нэ опускається!

Капрал – подъехавшему Суворову:

– Здравия желаем, господин фельдмаршал!.. Вот это что?.. Это сапог! При нем второй, то есть рекрут!

Рядовой уставился на живого фельдмаршала, которого представлял выше лаврской колокольни, а тут непонятно что с чубчиком.

Капрал – Рядовому:

– Тебя спрашивают, чего вытаращился?!

Рядовой – фельдмаршалу:

– Так господин капрал учат, щоб есть начальство глазами, пока оно не подавится!.. Що вы кажете?!

Капрал:

– Тебя спрашивают, «Науку побеждать» знаешь?

Рядовой:

– Так точно, господин фельдшер, знаю всю суворовську науку: «Тяжело в учении – легко в гробу!», «Пуля – дура, рубль – молодец!», «Плох тот солдат, у которого не все дома!»... Так это господин капрал так учать.

Капрал готов его убить, да нельзя, выкручивается:

– Так, господин фельдмаршал, Александра Васильевич, я – солдат, мое ли дело «на плечу», «к ноге»? Ты веди нас на супостата, пушай отведает штыка нашего трехгранного, русского!.. Что?.. Да, не извольте беспокоиться, с него будет добрый солдат, даром, что лавреник... В смысле, да мы все за вами в огонь и в воду!

Неизвестно, что понял старый фельдмаршал, уезжает. Рядовой кричит ему вслед:

– Господин фельдфебель, ще вспомнив одну вашу науку: «Скільки не маршируй, а пьяным нэ будешь!»

Занавес

Глава 2

*Солдатушки – бравы ребятушки,
а кто ваши сестры?*

*Наши сестры – пики, сабли востры,
вот кто наши сестры.*

Действие происходит много лет спустя под Бородино. Би-вуак, ночь перед боем. Старый солдат-хохол что-то зашивает в мундире при свете костра, молодой солдат-русский чем-то виноват, подлизывается.

Молодой:

– Ишь, француз тож не спит, небось получил сегодня...

Старый не реагирует, занят своим солдатским рукоде-
льем.

Молодой:

– Слышь, Петрович, не сердчай. Хочешь, я тебе свой табачок отдам. Насовсем, а? А ты никому не сказывай, а? А то ребята узнают – дак мне лучше головой в омут!

Старый сопит, тихо клянёт иголку. Молодой решается на

большую жертву:

– А хочешь, я тебе свою винную порцию отдам!

Старый откусывает нитку:

– Нэ хочу...

Молодой:

– Отсюда и до самого Успения буду отдавать, а?!

Старый заинтересовался:

– До Успения?

Молодой:

– До! Тут же, понимаешь, как бондировка началась, и все по нашему баксиону. Пальба, дым, земля трясется; где наши, где француз, ну, я грешным делом это, ну...

Старый:

– Що, ни разу не був в схватке?

Молодой:

– Да, понимаешь, разве что деревня на деревню, парнями... А тут такая стражения!

Старый улыбается про себя, может, вспомнил себя молодым:

– Разве ж цэ сражение. Завтра, чую, будэ, нэ дай Бог... Да ты нэ волнуйсь, я и так никому нэ скажу.

Молодой горячо:

– Петрович, да я... Век за тебя буду Бога молить!

Старый строго:

– Но ты запомни, ты – воин, это всё – наша земля, вона на тебэ надеется; хто ее защитит, кроме тебэ, а?!

Молодой горячо:

– Да я... вот завтра увидишь... Спасибо тебе, дядя!

В это время Старый закончил работу, любуется на свет:

– О, как новый! Тут только не хватило. Ничого, под мыш-

кою нэ видно...

Молодой:

– А что ты чистишься, дядя?

Старый спокойно:

– А мэни завтра быть убитым, вот я и готовлюсь.

Молодой:

– Как... убитым?

Старый прокусывает свежий шов зубами:

– Хочу прэдстать перед Вседержителем в повному аванта-
жи. Можэ, примет у Свое воинство.

Молодой:

– Не говори так, дядя...

Старый:

– Не, брат, чую, я свое одвоював... А ты завтра, главное, держись ближче до мэне... А как пуля царапнэ, не пугайся, возьми землю, змешай с водкой и приложи до раны... Не, знаешь, водку краще выпей, земля сама затягнэ... Вона ж своя земля, наша!.. Ну, ложимся. До завтра!

Глава 3

Солдатушки – бравы ребятушки,

а кто ваши тетки?

*Наши тетки – эх, две чарки водки,
вот кто наши тетки.*

Действие происходит в 1916 году, Галиция. Двое, русский и украинец, бегут из окружения. Причем украинец тащит на себе раненого русского. Зима. Холодно.

Украинец остановился:

– Давай передохнем.

Русский опускается на землю:

– Тут где-то должна проходить железная дорога ...

Украинец:

– А чорт його маму знае, дэ та дорога... Слухай, а чога вы тогда побижали?

Русский сильно кашляет:

– Так германец газы пустил...половина наших так и не поднялась...

Украинец сильно хочет есть, ищет по карманам, ничего нету:

– Эх, а мы дома на Рождество гиндика ели.

Русский:

– Индюшку, что ли?

Украинец мечтательно:

– От такого! пуда полтора! Бувало, батько з кумом съедать такого вдвох, батько и говорить: дурная птица гиндик,

на одного много, на двоих мало. Пошли, замерзнем.

Поднялись, украинец подхватил русского, двинулись.

Русский продолжает волнующую тему:

– А мы тоже с товарищем недавно гуся украл и съели. И двух бы съели, дак второй вырвался.

Украинец сплюнул:

– Да, гусак – тоже мощна птиця.

Русский:

– Рядом стоял соседний полк, у них возле штаба была загородка, вроде птичника, для господ офицеров. Так мы ночью с товарищем туда и махнули.

Украинец насторожился:

– Когда именно?

Русский:

– Да перед самым, как австрияки нас окружили. Я двух гусей схватил, другие как загелгочат. А там солдатик какой-то охранял: стой, стрелять буду! Ну, я ему меж бровей звезда-нул, и ходу... вот второй гусь и пропал.

Украинец утвердительно:

– Это под Самбором было!

Русский:

– Ну.

Украинец:

– Так это ты, значить, мэни зуб выбыв?.. Это ж я охраняв.

Русский неудобно:

– Ишь ты... Я кабы знал... А ты тоже хорош: «стрелять

буду», «стрелять буду»!

Украинец:

– Это вы, егеря, тилько перед царицею маршировать умеете. Да гусей красты!

Русский возмущен, уже забыл, на ком едет:

– Да мы... да ты... Да у нас половина роты с Георгиями...

– И вспомнил он, что роты уже нету, и тихо добавил: – ...

Были...

Украинец наседает:

– А кто нашему полку фланг оголив, нэ вы?!

Русский:

– Я тебе говорил, что германец газы пустил!

Украинец:

– Это вы, как увидели, сами газы пустили.

Русский:

– Это вы – вояки, гаубицу от своих лавреников не отличите.

Хохол сильно обиделся:

– По-перше, вареникив, по-другэ, ты кацапська твоя морда, я тобі счас скажу!

Русский:

– Давай, говори!

Украинец набирает воздух, чтобы сказать.

Русский:

– Пока ты думаешь, я тебе скажу: иди ты отсюда, знаешь куда?!

Украинец выдохнул:

– И пойду!

Русский:

– И иди!

Украинец решительно:

– И пойду!

Решительно сходил под кустик, вернулся:

– Давай, пишли! – Взгромоздил. – Господы, тяжесть якая!

Русский виновато:

– Я виноват?

Украинец:

– Гусэй надо меньше чужих исты, конокрад!

Идут, бедолаги, перебраниваются.

И не дойдут.

Глава 4

Солдатушки – бравы ребятушки,

а кто ваши отцы?

Наши отцы – славны полководцы,

вот кто наши отцы.

Отечественная война, они вдвоем где-то на берегу украинской речки. Русский лейтенант кричит в телефонную трубку:

– «Ракита», «Ракита», я – «Ива»... Да что ж она там за-

сохла, ива эта... Тьфу, это же я «Ива»! «Ракита», «Раки-та»... мать твою...

Охрип, осматривает берег. Лето, солнышко, но не жарко. Внизу неторопливая река. Возле воды и дальше на берегу лежат мертвые ребята, где кого застало. Тихо, и от этой тишины становится совсем страшно. Кричит лейтенант куда-то в природу:

– Полещук! Рядовой Полещук, ты где?! О, заработала, сволочь такая! Я – «Ива», я «Ива»!.. опять замолкло... Эх, покурить бы, сил нет!.. О, опять затрещало... «Ракита», я... О товарищ капитан! Да, закрепились... Да, четыре атаки отбили, счас пятая будет. Где десант?! Куда держаться, нас вдвоем осталось! Кого я буду держать вдвоем против батальона?! Кота за эти самые?! Давайте скорей подмогу! – Пауза. Как не будет? А как же десант? В другом месте? Это мы, значит, отвлекаем? Есть, стоять до последнего! Не много уже осталось до последнего... Я говорю, не поминайте лихом!

Появляется молодой Полещук, чем-то доволен. Увидел лейтенанта возле рации, улыбается мурзатым лицом:

– Это там провод пэрэбило. Ножика нэ було, так я його зубами; ищэ лучше!

Лейтенант бросил трубку, кричит:

– Полещук! Где тебя носит?!

Полещук:

– Говорить громко, товариш лейтэнант! Ничого нэ чую. Воно рядом как звездануло, ще на плоту.

– Я говорю, хана нам, Полещук, хана! Вот тут нам хана, а курить нету...

– Да, мы сюда пацанами приходили за ракамы.

– Ты местный, что ли?

– Не, не раненый, тильки в голови сильно звенить. Як вы думаетэ, пройдэ?

Лейтенант, про себя:

– Да, брат, скоро пройдет.

– Чого?!

– Покурить бы, говорю, напоследок, чого!

– Да нет, мы у тому сели живем, за тем леском, сбегать бы... Чого?!

– Да?.. Дома, дома, говорю, кто есть?!

– А, мама должна быть и две сестрички: Оленка и Сережа.

– И у меня, брат, дома тоже сынок, Павлик. – Затосковал. – Да что же, Господи, так и пропадать без табака!

– Товарищ лейтенант, скоро подмога?

Лейтенант смотрит в сторону немцев:

– Да, скоро... Скоро, говорю, целый батальон! Вон, уже шевелятся, гады.

– Это хорошо, я думав уже всэ... А у меня уже старшего брата убили, Тарасика. И батьку тожэ...

Мается лейтенант, тоска смертная; эх, все равно пропадать, кричит:

– Полещук, слушай приказ!.. Приказ, приказ, говорю! Давай в деревню, домой. Домой, понял?! Скажешь своим, пус-

кай организуют... не знаю что... О, ночлег, понял?! – Тихо: –
А то ребята тут все лежат в сырости...

– Чого?

– И поесть, скажешь! Да, для десанта! Сейчас десант будет, я дозвонился!.. Пошел!

Обрадовался Полещук, потом вернулся:

– А вы?

– Ничего! – Тихо: – Я тут, с ребятами... Стой, скажешь маме, пускай лавреников сделает, никогда не пробовал.

– Вареникив!

– Вот хохол, как вареники, сразу услышал...

– Я мигом!

– Не надо мигом! Понял?! К завтрашнему, к утру, понял?... Ну, прощай, брат...

– Чого?!

– Вот тебе и «чого»! Пошел!

Глава 5

Солдатушки – бравы ребятушки,

а кто ваши деды?

Наши деды – славные победы,

вот кто наши деды.

Какой-то странный, чуть мерцающий свет, как бы ранние сумерки, но красивые; место действия непонятное, чудное,

и музыка странная, тихая и тоже светлая. Они встречаются через долгое время.

Русский:

– О, здоров, брат хохол!

Украинец:

– Здоров, брат. Давно нэ бачились. Тебэ где убило?

Русский:

– Под Курском... и под Бородином, и под Будапештом, и под Измаилом, и под Пешаваром, и... да ну. А тебя?

Украинец:

– Пид Полтавой, пид Березиной; два раза подо Львовом, в шестнадцатом и сорок первом, и тожэ пид Бородином, и тожэ пид Курськом.

Русский:

– Я помню, я тебе еще звезду из фанеры выпилил.

Украинец:

– Я знаю, спасибо. А ты тогда так и не покурыв?

Русский:

– Уже и не покурю...

Смотрит куда-то далеко:

– А они там воюют?

Украинец смотрит туда же, вздыхает:

– Воюють.

Русский поправляет скатку:

– Жалко чего-то...

В это время откуда-то сверху слышен звук высокой чистой

трубы: «Солдатушки, бравы ребятушки...»

Украинец:

– О, чуеш?

Русский:

– Это нас. Пошли, брат. Ребята ждут.

Украинец:

– Ходимо, братэ...

Уходят в свет.

*Солдатушки, бравы ребятушки,
а чьи ваши жизни?*

*Наши жизни Родине-Отчизне,
вот чьи наши жизни...*

1992 г.

Ветер с дождем

У автора была большая выстраданная любовь, и любовь эта была странная. Она называлась «Эстрада». Не вся, конечно, эстрада, а разговорная ее часть. Сначала, конечно, автор эту эстраду не любил и даже посматривал сверху вниз. Как, допустим, Гамлет с образованием. Затем понял, какие заключены в ней сила и красота, и полюбил, казалось, навеки. Затем, пройдя с ней под руку больше тридцати лет, практически сбежал от нее. Ибо всегда трудно наблюдать, как красивая любимая женщина превращается в наглуую, плохо помытую халду. И ничего не мочь сделать.

Вот такая сложная история.

Но сейчас будет рассказ именно о любимой эстраде. Вернее, об одном эстрадном номере. Номер этот был сочинен автором буквально в начале карьеры и первоначально назывался просто – «Дурак». Самому автору он очень нравился, и в то время еще случались исполнители, которые читали такие вещи со сцены.

Ибо сейчас такого не исполняют даже за деньги.

И вот три рассказа о номере «Дурак» и таких же ненормальных исполнителях.

История первая

У автора был друг и хороший артист Володя Чибарь. Однажды он приехал к автору в Киев. Было это лет тридцать тому мокрой осенью. Вот он после первых «здрасьте» сказал: «Старик, у меня через час халтура, поехали съездим, а потом продолжим у меня в гостинице. – И добавил: – Тут одно ПТУ гуляет свою годовщину, меня попросили выступить в сборняке буквально с одним номером». Договорились. Приехали на место уже в сумерках. В здании юбиляра стоял кисловатый запах затянувшегося загула. Что такое ПТУ, то есть профтехучилище, сегодня уже забылось. Кратко можно сказать, что тогдашние бабушки пугали им непослушных внуков. И не напрасно.

Итак, мы приехали. Нас встретил администратор уже начавшегося концерта. Лицо у него было бледноватое, примерно как потолок. «Ну, как концерт?» – спросил Володя из вежливости. «Страшно, – ответил администратор, – но пока держимся. Кстати, – сказал он Володе, отводя глаза, – ты, может, это... лучше едь домой. Песни эти подонки, то есть подростки, принимают еще туда-сюда, а разговорников и прочих просто гонят со сцены. В Алика Октябрева, например, бросили банкой с огурцами; про мат уже не говорю!» – «Я могу не выходить, – сказал Володя, – но ты же мне бабки не заплатишь?» – «Не заплачу», – честно сказал администратор. «Ну, и ничего, – сказал Володя, – в тюрьме работали, на зоне работали и от пэтэушников отобьемся». Мы вошли в большую аудиторию рядом с залом. Там готовились к выступлению или одевались после выступления артисты. Их было легко различить. Готовящиеся были бледные, уже выступившие – красные. Володя перекинулся несколькими словами с отстрелявшимися музыкантами. Те подтвердили: страшно. «Ничего, – сказал Володя, – тяжела и неказиста жизнь советского артиста, но работать нужно!»

Надо сказать, автору сразу не понравилась обстановка, начиная с входа, то есть запаха. На столах стояло с десяток официальных графинов с мутной жидкостью, как бы сок. Пока автор удивлялся, пока наблюдал, как артисты прикладываются к графинам, Володя переоделся в концертный костюм, став невероятно элегантным и отчасти чужим в этом

почему-то сумрачном, злачном помещении. Он поправил перед зеркалом галстук и тоже налил себе стакан, по опыту зная, что никакой сок в таких делах не ставится, особенно в графинах. Мы с ним выпили за ушедших только что на сцену бледных полуодетых девочек из танцевального ансамбля. Через минуту услышали отдаленный рев нетрезвой публики. Володин выход был через два номера. Закусили. «Не боишься?» – спросил автор, которому давно хотелось слинять, прихватив графин. «Гадость, – сказал Володя про вино, закусывая печеньем. – Поедем, у меня в гостинице бутылка бренди, ты знаешь, я плохого не привезу». Автор повеселел и, вспомнив предупреждение администратора, спросил: «Ты что собираешься читать?» – «„Дурака“», беззаботно ответил Володя, рассматривая на свет, что там попало ему внутри печенья. «Кого? – спросил автор, слегка подавившись тем же печеньем. – Что ты собираешься им читать?!» – «„Дурака“», – ответил Володя, не отрываясь от своих исследований. Повисла пауза. Придя в себя, автор хотел что-то сказать, но в это время в помещение вернулись девчата-танцовщицы. Вид у них был такой, словно они только что исполняли не веселый перепляс, а танец смерти. Одна всхлипывала. Автор посмотрел на их багровые лица и стал горячо убеждать Володю не делать ошибок, которые могут стоить дорого. Возможно, горячность автора подогревалась мыслью, что артиста там могут убить и бутылка чаемого (отличного) бренди растворится в синем гостиничном тумане или его выпьют

посторонние, путь даже и за упокой души. Но Володя пожал плечами, отложил сомнительное в смысле гигиены печенье и сказал: «Пойти за кулисы, что ли?» Уходя, подбадривающее улыбнулся и сказал автору: «Не волнуйся, Вовик, ты же ничего не понимаешь». В этот момент вбежал администратор с криком: «Чибарь! Где Чибарь?! А вот ты где! Давай, уже пошел вокалист». Володя допил стакан, стряхнул с пиджака крошки и достойно вышел. Со стороны сцены бухала музыка, сквозь нее пробивался тонкий, как показалось, дрожащий голос исполнителя. Автор сначала пошел на этот звук, затем трусливо свернул в коридор, чтобы не слышать жутких в его воображении сцен расправы над ни в чем не повинным эстрадным юмористом. Затем музыка стихла, потом послышался отдаленный шум, характерный для гладиаторских ристалищ; автор краем глаза увидел, как по коридору кто-то пробежал.

Потом все стихло...

Остаток вечера был мирно проведен в гостиничном номере за бутылкой действительно классного бренди. Закусывали тем же печеньем, которое прихватил со стола опытный Володя. Он был цел, невредим и, как всегда, остроумен. Оказывается, когда его объявил полуобморочный конферансье, действительно поднялся большой шум. Володя вышел на этот шум и увидел, вернее, услышал, что ему не нужно было выходить. А когда сказал в микрофон, что будет читать стихи, то понял, что ему сначала не нужно было родиться на свет.

«Что тут началось, – рассказывал он, смеясь. – Я тебе говорил, пойдём со мной, ещё тебе будет тема для номера. На первом ряду сидела девка на чьих-то коленях, курила и так махала в мою сторону, что свалилась в проход, обожглась сигаретой и давай махать уже на карачках. Ну, я стою, читаю „Ветер с дождем холодны словно лед, где-то петух непрерывно поет...“ Думаю, сволочи, или я вас, или у меня назад дороги нет!.. Смотрю, помаленьку затихают. Потом больше, потом вообще наступила тишина, микрофон-тодохлый, видно, боятся пропустить. Ну, я, конечно, тоже выложился. В конце эта, которая сидела, смотрю, у нее слезы текут, пьяные, грязные с тушью, но все равно – слезы... А потом захлопали!.. Наши стоят за кулисами с вот такими глазами, а эти просто не отпускают. Я им тогда соврал, что автор этого номера постеснялся выходить на такую замечательную публику, волнуется за сценой, пойду от вашего имени угощать. Только под это и отпустили...» Он помолчал, потом сказал, рассматривая закусочное печенье в смысле гигиены: «Ишь ты, я-то давно на них крест поставил, а они, видишь, чувствуют... Ну, давай за них, за детей; сколько у них всего впереди... Не дай Бог!»»

История вторая

Это было время, когда искусство двигали в массы, буквально заталкивали. Бывало, что народные артисты играли в

коровниках или на лесопилке. Или в чистом поле на грузовике. И попробуй откажись. Что уж говорить о бессловесных эстрадниках. А еще в ту пору было волшебное для артистов слово «чес». Это когда сбивалась бригада и давай прочесывать искусством все, где ступала нога человека или еще теплилась жизнь.

Тяжко, зато возможность заработать.

И вот Москва. Сидим в гостях у артиста Сережи – разговорника и просто хорошего человека. Он только что вернулся с чеса по Дальнему Востоку. Тут же его жена Людмила, тоже ничего себе женщина, хоть ранее автору и незнакомая. После третьей Сережа говорит жене: «Люся, вот ему нужно сказать спасибо!» И показывает на автора. Своим указательным пальцем. Люся не стала ломаться и давай говорить, большое спасибо и другие сопутствующие слова! Автор давай стесняться и недоумевать, но тут Сережа открыл тайну этого неожиданного дела.

Вот его рассказ.

Сбили мы бригаду, чешем на просторах Сибири и Дальнего Востока. Администратор, конечно, Зусман, из Читы. Разговорнику в такой бригаде так себе. Иногда со сцены не отпускают, но чаще как у Лермонтова: «Мы долго молча выступали...». А Зусман, собака, как нарочно, в самые дыры возит. Меня достает, мол, ты, Серега, сачкуешь... А что я? Мы работаем то среди детей, то среди короедов, то среди рыбаков; то со спиртом, то при керосинке, в смысле какой

юмор и какая сатира? У нас там еврей Рома на скрипке, мордовец Бухеев горловое пение, оригинальница Мила – огонь изо рта и я. Девочка из эстрадно-циркового не в счет – сильно не обстрелянная. А нам-то нужно натянуть час с гаком концертного времени! Иногда только Бухеевым и спасались у этих народов. Он как зажмурится, как затаит свое пенье, как, скажем, мамонт перед зарплатой, – а эти ему вроде даже подтягивают вместе с олешками, особенно собаками. Ну, вот. Логично приехали к чукчам. Вот Зусман и говорит, завтра работаем перед оленями, то есть в Красном чуме. Ну, думаю, гад! Думаю, я на каких площадках работал! Я, может, бы в Ла Скале выступал, если бы умел петь!... Я говорю, Зусман, я хоть раз отказался работать, даже в шахтной клетке! Я тебе в трюме работал, на соснах работал, у охотников, в море – там ведь души христианские, хоть и пьющие. А что я тут буду рассказывать в Красном чуме, какой юмор? У них юмор, когда Рома на скрипке Генделя чешет, они смеются, как он быстро по струне водит, а никак не перепилит... Зусман уперся, говорит, не буду «палки» ставить, ты сачок! А арифметика простая: одна «палка» в рапортичке – один концерт, возле кассы посчитаемся! Короче, приезжаем в Красный чум. Это как бы смесь клуба с красным уголком. Чум большой; висит портрет Брежнева, знамя хоть и наше, но с вышивкой и нашитыми хвостами. Метровый бубен. Рядом японский двухкассетник, такой в Москве в комиссионке полторы тысячи стоит, и то не купишь; в центре

костер горит. Человек десять сидят: две женщины, одна кор- мящая. Старик с трубкой, на руке – вот такие часы! Как я потом узнал, он зав Красным чумом и заодно шаман. Сидят, моргают, закопченные такие. Но, может, и не моргают. Глаза-то, как петли под пуговицы. Дошла моя очередь. Смотрю на эту музыку, думаю, ну, что им рассказывать, «Мойдодыра», что ли?! Стою молчу, они сидят молчат. Пауза затягивается. Мне Зусман сбоку кулак кажется. Тут я ни с того ни сего говорю: сейчас, говорю, я вам прочту стихи. Молчат. Мне деваться некуда, начинаю «Ветер с дождем...» – молчат. Начинаю сам номер – молчат. Только главный старик на меня смотрит, как олень на радиоточку, только курящий. Когда я дочел до места, где «я ее люблю», он вынул трубку, говорит мне, стой, однако. Стою, думаю, ну Зусман, понял, однако! Этот старик, говорит, давай, однако, сперва. Сначала, значит. А мне уже все равно, даю сперва. Он снова говорит, стой! Я стою. Он говорит, не скоро говори, однако. Я начинаю не скоро. Смотрю, он остальным не то что переводит, а вроде толкует про что. Эти ожили, головами качают, вздыхают; смотрю, женщина глаза, или что там у нее, вытирает. Закончил, молчат. Я говорю, конец, однако! Загорго- тали, захлопали не хуже, чем Бухееву. Короче, все замечательно! Когда уезжали, этот шаман вышел с бубном, говорит мне: ты ее, однако, больше не пускай. Я говорю, кого? Которая всю вашу еду съел; ты хороший, она плохой – с голоду сдохнешь, однако. А жену люби, и дети тебя дома ждут, ты

понял? Тут он потарахтел бубном, попрыгал, чего-то порычал мне в лицо. Говорит, это тебе поможет. Тут до меня дошло: они-то думали, что я про себя все рассказывал!

Ну, вернулся я в Москву, и что ты думаешь? Что-то меня крутит, спать не могу, есть не могу, а почему – не понимаю. Спрашиваю у знающих. Мне один Байрамкулов из Росконцерта, который нанайскую борьбу показывает, говорит: это он тебе не иначе, как нашаманил, завклубом этот! Ты не смейся, они все могут!.. В общем, однажды утром погладил я брюки, купил возле метро маргариток, пошел и вот с Люсей помирился. И что ты думаешь, вечером все как рукой сняло! Обратно вместе живем, однако!

Люся на это посмотрела на мужа и как-то хорошо и спокойно улыбнулась.

А они уже были третий год в разводе, и дети росли у бабушек.

История третья

Ее рассказала автору знакомая Света. Она была подружка одного артиста эстрады, Андрюши. «Вот, – говорит, – приехали к нам гости, чехи. По обмену». – Он говорит: «Света, выручай, у меня репетиция с утра очень важная, в обед освобожусь, сменю тебя». Ну, я водила их по Москве, они по-русски сильно со словарем, я по-чешски тоже с большим желанием. Ну, ничего. Звоню после обеда Андрюшке: «Ну что?»»

Он говорит: «Светка, делай что хочешь, но у меня вечером в Театре эстрады сборняк. Там кто-то вылетел, меня Брунов пригласил заменить! Ты понимаешь, это шанс, может, больше не будет!» – «О, говорю, как раз мы придем, чудно!» Он мнется, говорит: «Ты понимаешь, концерт какой-то полуправительственный...» – «А сколько их?» Говорю: «Петро, не считая меня». – «Ладно, – говорит, – попробую, но не обещаю». А у меня уже ноги отваливаются, а они ходят, фотоаппаратами щелкают, молодые, им до стенки. Звоню Андрею: «Ну что?» Говорит: «Что я тебе, Райкин, чтобы мне места давали? Я тебе не Райкин». Это у него всегда было так: когда что-то не по его получалось, так сразу – я не Райкин. Думаю, больше не буду звонить; брошу этих, пускай сами в Пльзень свой добираются. Короче, звоню еще раз. Андрюшка говорит: «Слушай, тут какая-то небольшая делегация то ли не прилетела, то ли не вышла из ресторана. Короче, дуй сюда!» Я к тому времени от расстройства начала что-то даже понимать по-чешски; короче, объясняю, мол, пойдем на главную эстрадную площадку нашей незабываемой страны, большая честь, в смысле, ура! А они тоже устали. Привела, нас усадили в центральные места, почет. Концерт начался, мои клиенты, как песня или там оркестр работает – слушают или смотрят. А было несколько разговорников с юмором, не слушают – языка не знают. Болтают между собой или на зал смотрят, как люди смеются. А Андрюшка выступает ближе к концу. Ну, вот отхлопали певице, конференс объявляет Ан-

дрюшку, мол, молодой и талантливый. Выходит Андриюшка, начинает «Ветер с дождем холодны, словно лед...». Ну, эти чехи снова между собой загуркотали. Тогда смотрю, один, Томаш такой, прислушался, потом девочка тоже замолкла, смотрит на сцену, да внимательно так. Потом они уже все сидят и слушают, вроде понимают. В конце давай хлопать, а девочка даже по-своему что-то на сцену закричала. Может, даже ихнее спасибо. Я так удивилась, говорю, как умею: «Вы что-то поняли?..» И она мне отвечает почти по-русски: «А что же тут непонятно?»»

А вот и сам номер

Ветер с дождем холодны, словно лед,
Где-то петух непрерывно поет.
Только я вижу – супруг мой со мной,
Разве тревога в душе не замрет?
Ветер холодный – он резок и дик,
Вновь петушиный доносится крик.
Только я вижу – супруг мой со мной.
Разве мне в сердце покой не проник?

Артист одевается в образ – обычный человек с улицы.
Продолжает уже в образе.

– А мне вообще стихи нравятся. Особенно, если такие, ну, не как в школе, вот. Но я хочу сказать про другое.

Они мне говорят:

– Слышь, тут праздник надвигается. В пятницу все едем на природу!

На работе говорят. Ребята наши.

– В пятницу, – говорят, – выезжаем толпой. Только свои: без мужей, без жен, понял?

Я говорю:

– Почему без?

Они говорят:

– Ну, как?!

Я говорю:

– Ну, как.

Они говорят:

– Ну, ты как маленький! Короче, берешь шпроты, огурцы, бутылку водки и выпить себе. Понял?

Я говорю:

– Понял, только я без нее не поеду.

– Без бутылки?

– Зачем, без жены.

– Ты, может, не понял? Мы на природу, оттянуться.

– Почему, понял: в пятницу, с водкой, бутылкой огурцов в круиз под кустик с чужой женой.

Они говорят:

– Соображаешь! Ну?!

Я говорю:

– Мне без жены неинтересно.

Тут они подняли плечи и забыли опустить:

– Она тебе что, за столько лет не надоела?!

– Зачем, надоела? Я ее толком вижу два раза в неделю по выходным. А потом – я ее люблю, вот.

Тут они окончательно подперли плечами уши. Разошлись почему-то на цыпочках.

Назавтра подходят нервные. Говорят:

– Вот из-за тебя Вася сел не в ту электричку. Вася, покажи стоп-кран... Видишь, из-за тебя человек не может разжать пальцы... Вы что, может, и не ругаетесь с ней, с женой-то?

– Чего не ругаемся... И дверью, бывает, треснешь. И ногой иногда топнешь. На собаку... мало что!

– Нет, а как у людей: пришел поздно, а дома встречают, как в космосе – летающими тарелками?!

Говорю:

– Нет, мы из тарелок едим.

Говорят:

– А ну, покажи язык.

Ну, я их этим языком послал. Некоторые до сих пор возвращаются.

Но они же упорные! Захожу в курилку, у них как раз крик на тему: может, у его дуры богатая тетка при смерти в Канаде, что за нее, дуру, так вцепился?! Заметили меня, говорят мне:

– Слушай, а ты сам-то, ну, ходил налево? Скажи коллективу, как маме, мама поймет!

Я сдержано так говорю:

– Ребята, я на ней женился, потому что она – лучшая в мире. Что ж я пойду к худшей? У вас в голове ум или заначка?!

Короче, у них вечером митинг с криками: «У всех, значит, дома гадючник, а у них ласточкино гнездо?! Хорошие люди уже по два раза развелись, а Валик – уже пять и живет обратно с первой! А этим, товарищи, лень лишний раз подраться!... Предлагаю резолюцию: изолировать их друг от друга, чтобы не плодили себе подобных!»

Короче, отпустили домой с наказом поискать в себе хоть что-то светлое, а нет – найти пострадавшего на пожаре и дать ему свою кожу. Сколько упрет.

Смешно, конечно, но я тогда на них разозлился! А потом думаю, чего?! Это раньше было всякое там благородство, великодушие, негодование: «Вы оскорбили даму, сударь, извольте получить по морде!» Сейчас проще: «Я оскорбил вашу даму – так оскорбите мою. Мы же интеллигентные люди!»

Нет, меня это волнует... Любовь, песни. «Поговори же ты со мной, гитара семиствольная!» Телепередача с названием «Моя свинья!». В смысле «семья», но из того же сарая. Старые песни о главном: «К нам любовь пришла неожиданно, и все! Птицы заржали, кони закашляли, застежки лопнули, и я дала другому эх раз, еще раз, еще много-много раз!...» Ну, допустим. А кто-нибудь когда-нибудь слышал песню, к чему эта самая любовь должна привести. По логике. Да никогда!

Потому, что тут как раз песня заканчивается. И тут как раз начинается анекдот:

(образ) «И вот сидят эти бабы и хвалятся мужьями: одна говорит, ой, у меня муж крутой, как бык. Вторая говорит, зато у меня сильный, как лев. Третья говорит, а у меня муж... это... в общем, тоже какая-то скотина».

Про замуж так и говорят: войдешь через загс, выйдешь через суд.

(образ) «Милый, купи мне сапоги!» – «Зачем тебе сапоги, ты еще коньки не сносила!» Ха-ха-ха...

Сперва женятся, потом сходятся. Сходятся – расходятся, расходятся – сходятся. Как часовые: пост сдал – пост принял, пост сдал – пост принял, пост сдал и купил большую собаку: ест столько же, а лает на других!

Я уже думал, может, мне врачу показаться? Я ведь люблю жену. И домой спешу, и на двух работах вращаюсь с двумя пересадками на свой трижды в душу орденоносный с их зарплатами и ценами! Ерунда, скорей домой – меня там любят. И ждут. И что бы ни случилось, я сделаю вот так – и я нащупаю там руку. Она мягкая и слабая, но для меня она... это как кольцо парашюта. И тогда под ногами не пропасть. Тогда под ногами синяя речка, зеленый луг. И дети на берегу. И дети на берегу задрали головы, смеются и машут, и снова смеются: «Папа! Папа! Какой ты смешной отсюда! Давай скорей! Где ты так долго?..»

К нам девушка одна ходит в гости. Лет сорока семи. Хо-

лостячка. У нее последний штамп о расторжении брака стоит прямо на обложке трудовой книжки. Придет, сожрет весь борщ, говорит: «Ой, ребята, как вы хорошо живете! Как ненормальные!»

В общем, я тогда сказал своим: знаете, ребята, я не поеду с вами в пятницу, соврав жене, что провожали кого-то в первый рейс. Или в последний путь. Не хочу. И вообще, я, наверное, дурак. Я вижу: едут, едут по проспекту машины. В лентах едут, в куклах, лебедях и кольцах. Везут влюбленных из сказки в анекдот.

И мне становится чего-то жаль...

Ветер с дождем, и повсюду темно.

Крик петушиный несется в окно.

Только я вижу – супруг мой со мной —

Разве на сердце не стало светло?

Этому стихотворению, между прочим, три с лишним тысячи лет. Но ведь и сейчас этого хочется.

Или я не прав, женщины?

Порядочная женщина

Как-то мы с другом Гришей гуляли по Смоленскому кладбищу, что в Санкт-Петербурге. На Смоленском было прохладно, шел небольшой ленинградский дождик, поэтому мы

пошли к Ксении Блаженной. У ее часовни, как всегда, было хорошо илюдно. Мы постояли в этом замечательном месте России, поклонились Ксении и пошли прогуляться древними аллеями. Гуляли мы, однако, недалеко, ибо древние аллеи вскоре закончились. Они закончились нововырубленными просторами; просторы в свою очередь были покрыты полусвежими могилками; могилки были покрыты увядшими венками. Мы поглазели на такую метаморфозу, поудивлялись на это пиршество еще не остывшей печали на кладбище, где уже лет сорок никого не хоронят и не должны. Наудивлявшись, мы с Гришей сделали вывод, что:

а) деньги камень ломают,

б) место на престижном кладбище отнюдь не камень.

С третьей стороны, практически все Смоленское заросло деревьями, которые были задуманы светлыми печальными березками в изголовье. Ныне же это огромные дремучие деревья, и где теперь свое изголовье, и где чужое, извините, подножие? Буквально заросли и кущи, особенно, если зябко и затяжной ленинградский дождик. Например, как на момент рассказа. Тем не менее эти порубки настроение почему-то испортили. И вот мы, грустя по нескольким направлениям одновременно, прошли кладбище насквозь, вышли наружу как бы со служебного входа и осмотрелись. Снаружи была довольно большая штрассе; с одной ее стороны шла металлическая решетка, охраняющая вечный покой, с другой – молчаливые пятиэтажки с населением, которому этот покой

только снится, то есть еще предстоит. Мир живых представляли редкие автомашины, с шелестом рассекающие воду на асфальте. Естественно, встал вопрос, чем согреться и где его взять? По случаю дождя улица была абсолютно пустынная, авто не в счет. Было как-то непроходимо сыро и серо; серо дополнительно, ибо дома на другой стороне улицы были еще изнова ужасно серые, известной советской архитектуры.

Мы остановились, как витязи перед белорусскими болотами: куда идти? Сзади было кладбище, перед нами мокрые дома, слева вдали виднелись какие-то технические постройки, явно не содержащие магазина; направо виднелись постройки, явно магазиносодержащие, но так далеко, что туда ни пешему, ни конному. Пока вертели головами, от домов показался человек в непонятно чем. Мы обрадовались и приготовились спросить его насчет ближайшей торговли, но человек вдруг замедлил ход, затем остановился, посмотрел на решетку кладбища и быстро повернул назад. Больше мы его никогда в жизни не видели. Может, он подумал, что ему еще сюда рано? Снова стало пусто и непонятно, как сразу после блокады. Можно было, конечно, попытаться углубиться в те дома, но почему-то было стойкое ощущение, что пойдешь и не вернешься.

А не хотелось.

Пока мы осмысливали и обсуждали это дело, на улице появилась женщина. Причем она возникла как-вдруг – не было ни души, и вдруг женщина. Она шла в своем направле-

нии, имея в правой руке некую несложную поклажу, над головой зонтик с поломанной спицей. Шла она неторопливо и без особой грусти, видимо, надеясь на лучшее, например, на погоду. Увидев неожиданную человеческую душу, автор, может, даже излишне резко преградил ей дорогу и сказал.

Он сказал:

– Здравствуйте, женщина, извините, вы хорошо знаете этот район?

Автору было почему-то неловко сразу спрашивать про магазин – она-то сразу поймет, зачем двум мужчинам нужен магазин в виду кладбища и холодной погоды, и неизвестно что подумает.

Женщина, однако, не смутилась, она, наоборот, остановилась, переложив свою поклажу в отдохнувшую руку и как бы очнувшись от своей давней ленинградской думы. Она как бы рассеянно выглянула изнутри сюда, в улицу, и ответила хорошим, подходящим погоде голосом. Оказалось, ближайший магазин не так уж далеко.

Целиком это выглядело так:

Автор нервно:

– Женщина, вы хорошо знаете этот район?

Женщина, подумав:

– Порядочно.

Автор улыбнулся на это «порядочно». Женщина тоже ответно улыбнулась, но просто так. При этом возникло конкретное ощущение, будто среди серого, постылого дня вы-

глянуло небольшое солнце, даже удивительно.

Автор:

– В таком случае подскажите, пожалуйста, где ближайший продуктовый магазин!

Женщина, тихо улыбаясь:

– Идите в ту сторону, повернете направо, там будет остановка такси, затем скверик, затем магазин «Пятерочка».

Автор:

– Спасибо большое.

Женщина, подумав:

– Не стоит благодарности.

На этом, собственно, занавес можно было опускать. Но автор, вместо того чтобы еще раз поблагодарить и устремиться в указанном направлении, остался топтаться на месте, по-прежнему преграждая женщине путь. Почему-то не хотелось, чтобы она уходила. Почему же? Автор стоял поперек чужой дороги, пытаюсь одновременно понять, почему не хочется, чтобы она ушла, и что бы еще такое спросить, чтобы она таки этого не сделала. Даже посмотрел на Гришу. Гриша ответно посмотрел на автора и вновь, по своему обыкновению молча, устави́л большой хороший нос в асфальт.

И не помог.

Женщина терпеливо ждала, когда ей освободят дорогу, вновь начав что-то рассматривать внутри себя. При этом солнышко, которое выглянуло с ее улыбкой не то, что зашло, а стало как бы подергиваться дымкой... Ага, вот почему не

хотелось, чтобы она уходила. Потому, что до ее появления на душе было сыро и так себе, а она улыбнулась, и стало беспредметно хорошо. Например, как детстве: идешь себе вдоль железной дороги, а внутри у тебя замечательно и хочется свистеть, а ты еще не умеешь, но пытаешься, точно зная, что обязательно научишься и тогда жизнь станет еще лучше... А вот сейчас женщина уйдет и унесет это «хорошо» с собой, останутся лишь битые сырые шпалы, кладбищенская ограда, а на душе груз всего, что накопилось с того времени, как научился свистеть... Пауза затягивалась. Автор уже приготовился нехотя повторить свое «большое спасибо» и уступить дорогу, но тут женщина вновь вынырнула из своего пространства.

Она сказала:

– Но можно и по-другому.

Наверное, она подумала, что нас по какой-то причине не устраивает первый маршрут, но мы не хотим огорчать ее отказом. Может, подумала она, мы не любим в это время суток сворачивать направо или нас может расстроить вид отсыревшего скверика, который мы невольно будем вынуждены миновать на пути к магазину. Да мало ли что. И она все тем же скромным голосом начала рассказывать про запасной вариант. При этом ее небо вновь прояснилось, вновь выглянуло отдаленное, пусть не совсем прозрачное, но теплое солнце. Снова стало хорошо. Однако «вариант» вскоре закончился; автор наконец и почему-то с обидой сказал свое «боль-

шое спасибо». В ответ женщина вновь ответила, «не стоит благодарности». Это «не стоит» она произнесла, уже как бы удаляясь в ту страну, откуда мы вырвали своими вопросами; солнце снова подернулось дымкой, и вот его нет. Автор помешкал в последний раз, сошел с дороги; женщина на это рассеянно кивнула и ушла прочь вместе со своим пространством, унося свое необычное освещение. Автор посмотрел на друга Гришу. Молчаливый Гриша поднял голову, осмотрел резко оскудевшую улицу и вздохнул. Автор повернулся, чтобы глянуть, куда она ушла, но улица снова была скучной и мистически пустынной.

До указанного магазина дошли, выбрав вариант со сквериком. Шли молча, что-то не разговаривалось. Скверик оказался как скверик – между двумя сырыми домами. На зеленой скамейке мок забытый цветастый журнал с мордатой собакой на обложке. Потом вернулись на кладбище и снова долго бродили и ступали, ища скамейку у оградки, столик у скамейки, просто место, чтобы прислониться, снять усталость с непривычных городских ног, а стаканы и колбасу можно подержать и в руках, чай, не немцы. Выяснив походя, что Смоленское кладбище в своих захолустьях похоже на залившееся, поросшее камышом русло безымянной речки. И речку эту нужно снова открывать, именовать и наносить на карту. Поэтому проще ее закопать...

Кстати, вспоминая те давние поиски, где бы выпить, автор взял и улыбнулся. И почему же? Ему пришло в голову,

что это все читает неопытный человек, какой-нибудь кандидат сидячих наук, и вот в этом месте он заскорбел и даже, может, сделал ошибку в расчетах окружностей, понимая, что мы с другом Гришей не нашли подходящее место, вылили с трудом добытую водку в мокрую траву, колбасу поломали о колено и раздали сырым насекомым. Но это простительная в его звании ошибка. Мы нашли в этих географических дебрях косо́й пенек рядом с чьей-то подернутой забвеньем могилкой и довольно комфортно расположили на нем закуску и одноразовые стаканчики, сетуя на их неустойчивость на косых пеньках. А потом, неудобство-то мы испытывали лишь до третьего тоста, как это обычно и бывает. Впрочем, не было и никакого неудобства. Ибо все время, пока покупали, пока шли, искали, устраивались рядом с чьей-то полустертой могилкой, стараясь не наступить на соседнюю, – нас, во всяком случае автора, сопровождало чувство, что случилось что-то важное, то есть хорошее. Как в том же детстве: сидишь на диктанте, морщишь еще неприспособленный для этого лоб, а в середине тебя, в районе внутреннего кармана, живет некая радость. Думаешь, откуда там радость, краем уха слушая диктовку учительницы, а другим краем – все остальные звуки родной природы за весенним окном. И вспоминаешь, что, идя в школу, ты заметил ее, и она тебя тоже заметила и даже почти поздоровалась, наши могут подтвердить. И от этого совсем не страшными кажутся «-то-либо-нибудь-кое-таки-ка» и Озаренок с дружка-

ми, а свистеть ты уже практически умеешь, хоть пока и недалеко... Мы пили с Гришей, говорили о привычном, а перед глазами всплывали лицо мимолетной женщины и ее улыбка, такая удивительная в этом городе, в эту погоду, пору года, в это летосчисление. Куда она ушла? Автор посмотрел в этом смысле на Гришу, но тот был занят разливом, стараясь не опрокинуть посуду. Мы снова пили, говорили про хорошее; приводили примеры этого хорошего в жизни и в литературе. И выходило в итоге, что в природе все правильно и замечательно; ведь и мы когда-нибудь будем лежать, а сверху будет дождик, и кто-то будет стоять над, придерживая стаканчики, пока другой наливает, ибо их можно опрокинуть даже струей из бутылки. Так мы беседовали, выстраивали перспективу насчет лежания под и, естественно, не верили. Конечно, думали мы про себя, мы будем жить вечно, остальные как знают. Тем более что внутри, в районе внутреннего кармана лежала свернутая ужимком детская радость; вот ее можно в любой момент взять и потрогать... И совсем уже на нас сошел дух мирен, когда мы увидели, что разделить с нами трапезу пришла мышка. Средних размеров мышка с кокетливой рыжей полоской на спине. Мы бросили ей пищу, она не испугалась, а, наоборот, взяла это дело зубами и неспешно ушла по месту своего жительства. Мы посмотрели вокруг и увидели, что дождь прекратился, что жизнь продолжается, что все хорошо – грех жаловаться! Еще увидели много пустых бутылок и одноразовых стаканчиков и сделали вывод,

что это кафе никогда не пустует.

Заканчивали мы свой поход в какой-то отчаянно порожней пивной. Там было много пустых столиков, горел на стенке плазменный телевизор, что-то моргая и показывая. Девчонка-продавщица смотрела на экран большими глазами, в которых отражалось шевелящееся изображение, лицо ее было озабоченное и сутулое. Мы сели в глубине этого забубенного помещения. Помолчали, прислушиваясь к крикам от телевизора. Гриша поднял рюмку, затем поставил ее на нечистый стол, посмотрел на телевизор, потом на мерехтящую девчонку, потом на автора и спросил.

Он спросил:

– Ты не помнишь, откуда она появилась?

– Нет, – ответил автор, не удивляясь, сразу поняв, про что речь. – Не помню, откуда пришла и куда исчезла. Была, и все.

– Не могло же двоим показаться, – сказал Гриша, – такого не бывает!

И вздохнул.

Монолог портретиста

Этот монолог написан, можно сказать, по заказу. Однажды к автору обратился его старинный друг художник Давид Бродский и сказал, так и так, мне предложили пару разворотов в крутом журнале, но сказали, чтобы я написал про себя сам; мол, вы, Бродский, знаете себя лучше всех! Ну, до-

пустим, я себя знаю, но, допустим, мой писательский талант закончился в детстве, после того, что я написал на школьном заборе, а наш завхоз прочел. Короче, сказал Давид, я на тебя надеюсь. И пошел себе отдыхать на стуле, задав кроткому автору такую шараду.

Пришлось вздохнуть и сесть сочинять. От лица, разумеется, злокозненного друга Д. Бродского. Ему потом так и говорили: ой, какой же вы умный-благоразумный. И портреты ваши великолепны, и пишете вы прямо-таки баснословно. Автор видит, как друг Давид скромно приемлет похвалу и мудро качает мудрой головой: мол, да будет вам, так взяло и написалось...

Короче, вот и

Монолог

Как говорит мой друг-музыкант: «Главное в музыке – начать играть, но футболисты зарабатывают больше!» Так никто и не против. Особенно насчет начать. Бывает, станешь перед пустым холстом и стоишь. Полдня прошло, а ты всего два раза отошел: первый за сигаретами, второй – вытряхнуть пепельницу. А на холсте по-прежнему счет «0:0».

Художник – это такая профессия. Стоячая...

Стоишь себе, мысли всякие прыгают. Например, кого лучше рисовать: человека или нет? Естественно! Осень никуда не спешит; дерево не заглядывает тебе через плечо, не укоряет: а вот тут не похоже, у меня от природы глаза более вы-

пуклые, в смысле выразительные! А женщина заглядывает. И на портрете желает выглядеть где-то между школьницей и старшекласницей. Хоть ей уже за 30. И ее сынишке тоже!.. Это у них такой отсчет: ей за 30, за 30, за 30, потом сразу 70! А паспорта просто ненавидят. Они бы эту дату рождения отменили к чертовой матери; а если и ставить, то такую – маленькую-премаленькую! И не в паспорте, а в степи под Херсоном...

Чего это я разошелся... Да потому что!

Нет, конечно, есть исключения, полно. Одной бизнес-вумен сделал портрет. Поставил и вышел. Позже захожу, смотрю – плачет. Это был портрет ее матери. Я его составлял, как следователь, по крупицам, по старым фоткам, по интуиции. Правда, очень хотел, чтобы получилось.

Все время волнуешься, как в первый раз: понравится или нет?! Ура, все довольны – так свои кричат: Бродский, где искусство, покажь?! Художники кричат. Какое искусство, когда у тебя за спиной стоит заказчик, за заказчиком стоят то ли удобрения, то ли алюминий. Плюс у него на руке пять пальцев и все указательные. Портрет желает, не знает, какой, но такой, как тот, который он видел в Третьяковке, но чтобы переплюнуть! А какой именно? Может, «Девочка без персиков», но в очках и с лысиной?.. Нет, говорит, но через три дня мне в Гонконг; и не забудьте переплюнуть. Патронов не жалеть!..

Вот вам и искусство.

...Или попробовать себя в кутюре. Придумать что-нибудь такое, на стыке наук. Например, «бюстгальтеры самонаводящиеся». Успех бешеный! Весь подиум в осколках!.. Глупости всякие лезут. Какие осколки! Когда эти модели – та же капуста: ее раздеваешь, раздеваешь, а внутри кочерыжка!

...И главное, все спешат! Крутятся, как белка под колесом. Он же, когда бреется, не совпадает со своим же изображением в зеркале. Спрашиваю жену: как у вас дети получаются, если муж постоянно в разъездах? Глаза отводит, говорит, да по-всякому. Например, Марточку он из Бразилии надиктовал на автоответчик...

А разве можно в этом деле спешить? В портрете. Это фотография до ближайшего дождя, а портрет – страшно сказать!.. Композитор заказал портрет себя, жены и любимой собаки вместе. Пока я делал, они развелись. Он говорит, оставь меня и собаку, а вместо жены вставь портрет моей новой машины. Я говорю, нет, не будет. Сейчас это не портрет, а просто картина «Мужчина, женщина и Черри». Где-то в Швейцарии. Где они все? А портрет живет. В какой-то момент он отделяется от хозяина и начинает жить своей жизнью.

Значит, все-таки искусство.

Сколько ему, кстати, достается! На одно полотно пятьдесят мнений, причем все хриплым голосом. Те кричат, это не искусство! Эти кричат, а что тогда, по-вашему?! Молодежь кричит, не знаем, про что вы тут материтесь, но для нас –

молодежи – из всех искусств главнейшим является искусство любви в парадном! Помню, ночь спорили, всем досталось! Бродский, ты реалист, сливай воду!.. Два раза за водкой бежали или пять! В конце я говорю главному ломщику традиций, Эдик, у тебя есть любимая женщина? Он кричит, ну допустим! Говорю, Эдик, ты хотел бы портрет любимой женщины в виде ведра с гайками?.. Замолк. В общем, утром он пошел за водкой уже один и очень не спеша...

Думаю себе, хорошо в рекламе – ни печали, ни воздыхания: «Купи „чудо-печь“ по-хорошему!». Да, нужно не клянуть: «Отрежь и пришли», а конкретно: «Можешь не отрезать и не присылать, но помни – у нас длинные руки!» Нет, там все тощие и разговаривают по-заячьи. Сплошной ребрендинг, копирайтинг и кастратинг котов из материала заказчика!...

Кстати, поработал почти по всей Европе, так ни одного языка и не узнал. В наше-то время языки не учили, а проходили. И прошли, как мимо девушек в саду. Ага, одно таки слово врезалось! Пришел в американское посольство, там жене посла что-то рисовал. Короче, захожу, а там японские вазы, ковры по колено. А на мне армейские ботинки, на ботинках наша осень по пояс. Говорю, мадам, дайте мне на ноги, а то ваши ковры умрут в судорогах аккурат после моего ухода! Не понимает. Показываю руками, ногами и отчасти головой – тапки! Дошло: о, слыперс, слыперс! Так и врезалось. С тех пор так и здороваюсь, суну руку, говорю: слы-

перс, банзай! Англичане улыбаются, особенно греки. Очень энергичное слово!

Как говорит мой друг-философ: слово не воробей – вылетит и нагадит!.. Тоже в этой Европе тоска фиолетовая! Наши кричат: ой, в Европе все улыбаются, даже бомжи, а наши только воняют!.. Да они же там все одинаковые, как елочные шары! Портретисту взять и повеситься на этой елке. А дома, между прочим, хоть на улицу не выходи; что ни лицо, то биография, драма, комедия.

А вы говорите, Европа! Кстати, в той же Франции курить разрешают только на территории Бельгии. Тьфу!..

А кроме шуток, я бы выбросил из школы многие лженауки, а на место ввел предмет, который назывался бы просто «Человеческое лицо». Чтобы с детства учились смотреть в глаза, видеть за лицом остального человека, за человеком его жизнь, которая и оставляет следы на лице и гасит улыбку. Чтобы к выпуску школьники уже понимали слова мудреца: «Жалей людей. Каждый из них ведет свою войну!»

...Так стоишь, думаешь, глупость всякая в голове прыгает. Нужно начинать работать, думаешь, что такое еще придумать, чтобы оттянуть... Ага, вот всплыло интересное. Один молодой парень вдруг узнал, что Бог есть. Это его так потрясло, что он встал на углу и давай проповедовать. Конечно, собралась толпа, и, конечно, половина вращала у виска, пока вторая половина от этого дела отдыхала. Пока конкретный мужчина конкретно подошел и конкретно сказал: «Что

ты раздухарился со своим Богом! Да тот, кто изобрел водопровод, сделал для человечества больше, чем все ваши Христы, вместе взятые!» И ему захлопали. А один не захлопал, а сказал конкретному: «Вы совершенно правы. И все же, умирая, я бы предпочел, чтобы рядом со мной был священник, а не водопроводчик».

Я подумал, что тоже этого бы хотел...

Как я ненавижу человечество

Я ненавижу человечество,

Я от него бегу, спеша.

Мое единое отечество —

Моя пустынная душа!

Один несчастный начала XX в.

Автор в молодости неоднократно повторял эти, как ему верилось, глубокие строки. Бывало, как начнет повторять эти глубокие строки где-нибудь за рюмкой кофе или у фонтана; или просто бормоча в весенний воздух: «Я ненавижу человечество, я от него бегу спеша...» — прямо мороз по коже! Набормотавшись, автор, согласно инструкции, торопился в свою пустынную душу, где садился на лунный камень и сидел там отрешенно минут сорок, практически академический час. Однако по молодости это горькое сидение ему скоро надоедало, и он выходил наружу. Он выходил нару-

жу, как экзистенциальный Стенька Разин, заводил большие пальцы за невидимую распояску, иронично наблюдая за людской тщетой и суетой. При этом в углу его скорбного рта дымила сигарета, а во взоре пылала такая бездна горькой иронии, что правильно было бы держать не распояску, а огнетушитель. Так гордо возвышался автор над муравьиным миром, копя будущие обиды. Было неприятно, правда, что никакая собака не замечает этой бездны иронии, даже не пытается остановиться и оправдаться перед тяжким приговором личности, т. е. автора, которая одна имеет право сказать: идемте, я покажу вам иную жизнь, достойную моего показа!

Так духовно нагоревавшись и отскорбев, автор шел в знакомое кафе на Крещатике, где кооперировался с такими же непонятыми и отверженными. Это кафе есть и сейчас; только тогда там стояли круглые двухъярусные столики. На верхнем ярусе располагались локти и окурки. На нижнем, невидимом для милиции, размещались бутылки портвейна, где на этикетке значилось «777». За что в народе его звали портвейн «три топора». Вы приходили туда, а вокруг столика уже стояло несколько таких же зеленоватых от постоянной иронии идалго. Кто-то представлял вас остальным: это Володя, тоже поэт! Незнакомые вам поэты внимательно смотрели, что и сколько вы ставите на нижний ярус. Удостоверившись, протягивали руки для знакомства и стакан для разлива. Вообще-то автор тогда стихи не столько любил, сколько терпел, ибо так нужно было для пушного счета неблагодарно-

му человечеству. Как у поэта:

Мимо ходят какие-то люди,
Каждый весел, доволен и сыт.
Ничего им поэт не забудет,
Ничего им поэт не простит!

Помнится, была среди тех поэтов одна девушка, поэтесса, какая-то горькая и ужасно курящая. Она всегда была в ореоле выпускаемого табачного дыма, и невозможно было разглядеть, красивая она или просто пьет, не закусывая? Она тоже приносила портвейн и тоже подавала из дыма свой неокрепший поэтический голос. Выпив за знакомство, поэты читали заунывные неразборчивые стихи. Потом играли в игру «балда», на которую тогда подседа кофейная интеллигенция. Курили. Снова читали, играли в «балду» и снова курили. В промежутках пили портвейн и снова читали, забывая, что это уже читано, поскольку пили без закуски. Где-то через час или через месяц некоторые мистически исчезали; на освободившееся место приходили новые, им показывали, куда ставить принесенные бутылки; говорили остальным: «Знакомьтесь, это... Как тебя зовут? Леня?.. Это Леня, тоже поэт».

Помнится, за год поэтических будней контингент поэтов вокруг столика обновился трижды. Своим ходом исчезла и загадочная поэтесса. В последний раз автор видел ее у входа

в рынок; она была в мятом плаще и полуподпольно продавала сахарную вату, как бы с нижнего яруса. Она в тот момент не курила, и автор смог наконец рассмотреть, какое у нее лицо на свежем воздухе. Лицо было обыкновенное, а под глазом синел большой и темный синяк.

Неисповедимы пути твои, Поэзия!

А между прочим, все начиналось как раз наоборот. Сначала автор именно любил человечество. Буквально сызмала. Любил и не требовал, что характерно, взаимности. Может, потому, что мечтал это человечество спасти, по-детски чуя, что человечеству грозит опасность, и ждал случая, чтобы прикрыть его от ледяного дыхания гибели. Да, где-то так... Спаси и встать в стороне. Скромно застыть на бульваре в бронзе. Он даже видел, как это будет, особенно насчет бронзы. Но время шло, а дело не двигалось. В основном не подворачивалось приличной опасности; а когда нависала опасность – над автором самим нависала годовая «двойка» по алгебре. Тем не менее автор находился в состоянии постоянной готовности к подвигу и ложился спать, практически не раздеваясь. Но планета как-то вяло готовилась к предстоящему акту. Наоборот, человечество спешило мимо, толкалось в аптеке, пело с эстрады; влюблялось в другого, гораздо менее достойного. В конце концов, – вульгарно обманывало на сдаче! И так было долго, пока на автора не нашло озарение: человечество не надо любить, а нужно его не лю-

бить, раз оно так! Как раз тогда в моду вошли тяжелые мизантропические стихи, которые читались под разлив и с подвывом. Автор тоже включился в это дело, чувствуя, что сильно припоздал; торопливо слагал стихи, пробовал читать их, тоже усиленно подвывая. Завидуя одному тоже поэту, который читал свои стихи с таким воем, что повергал народ в прах. Которого хвалили не столько за стихи, сколько за то, что сами уцелели. У автора же подвывать получалось в нос, то есть неубедительно:

У самолета болит сердце —
Ну и что?
Всем ведь известно,
У них вместо сердца
Железный мотор!..

А потом, попробуй провить эти строки, тут же «доброжелатели» в кавычках скажут: подражает своему самолету. А ведь стих совсем про другое, тем более что в конце, бац – трагический финал! Или более приземленная «Баллада о кладбищенском стороже», которого уволили со службы «за сон на посту, за вину, возлитое многожды с водкою...» и другие проступки, вошедшие в противоречие с его высоким служением!

«...но каждый день на кладбище

Спешит он нетвердой походкой.

Ему неуютно с живыми

В пустом человеческом обществе.

Ему веселей с родными

Почившими и усопшими».

Помнится, там была еще неплохо воспета чугунная ограда. А в финале, бац – и трагедия! Какая, – автор уже запамятовал. Может, сторожа задавило той оградой, все-таки чугун!

Короче, в один прекрасный день автор вошел в конфликт с человечеством. Начал он с того, что перестал здороваться с начальством, чем это начальство несказанно изумил. Обычно с начальством здороваются во всех настроениях и во всех агрегатных состояниях материи, даже в затылок. А тут нашелся один – проходит мимо мрачный, как волжский утес с поджатыми устами. Начальство по своей недалекости поняло, что автор намерен жениться на чьей-то высокой дочке, и, помнится, давай здороваться первым. Отмстив ни в чем не повинному начальству, автор перешел на родных, вагонновожатых, продавцов лотерейных билетов, деятелей кинокультуры, политический строй (развитой социализм) и просто перестал платить за проезд в терпеливом общественном транспорте, мотивируя это чем-то гордым.

Так длилось долго. А меж тем жизнь текла своей рекой. И платила автору тем же, то есть тоже отвернулась. Первы-

ми это сделали девушки, к которым автор ставил такие высокие требования, что хоть сразу в космонавтки. Но они были к этому не готовы и, заслышав голос автора, бросали трубку. Остальное человечество поступало примерно так же, не утомляя себя разнообразием. У автора на это портился характер, западали щеки, мысли были какие-то липкие, лоб мрачнел и покрывался безвременными залысинами. Пошли пробные провалы памяти... Примерно тогда родились эти обличительные строки:

Как много, друг,
вокруг унылых лиц.
Непроницаемы обличья,
словно спины,
Пусты, как яйца,
плоски, словно блины, и т. д.

Уже глубоко потом автор прочитал, что мир – это зеркало. Покажешь туда фигу или что погуще и в ответ будешь любоваться тем же.

Неизвестно, чем бы закончилось это противоречие систем, но тут подвернулся случай.

Дело было утром. Народ ехал на работу, в метро в час пик. В тесном вагоне стоял какой-то тупой полусумрак, хотя горели обычные светильники. На остановках входили люди, становилось все теснее и неприятнее. Автор тоже ехал,

полный кризисов; постылое человечество дышало, пихалось или упиралось животом. Вокруг были мрачные некрасивые лица. Стараясь не оскорблять свой благородный взор, автор искал, во что упереть глаза и уперся в отражение в окне вагона. Увидев в нем странно знакомое лицо. Присмотревшись, понял, что это его собственное лицо, напряженное, злое, готовое к отпору. То есть – ничем не отличающееся от остальных. Стало обидно. Хотелось крикнуть: это я вас ненавижу, имею право, а вы кто такие, признавайтесь?! Но кричать не стал, понимая: разве до *этих* докричишься! В общем, нравственный караул!.. И вот тут нечто произошло. Среди мрачного качания сумрачных голов, среди глухого воя разгоняющегося поезда раздался странный, болезненно знакомый звук. Звук, которого здесь быть не должно ни за что, а – вот он! Все даже напряглись, потом дошло: у кого-то в портфеле зазвонил будильник. Может, у командировочного... Была, кстати, у автора несостоявшаяся любовь, то есть ненаписанная пьеса. То есть написанная, но очень грустная. Она так и называлась «Вышел зайчик погулять». Там на сцене появлялся командировочный в своих доспехах – сером униформном плаще. Ставил на стол мятый, какой-то бессловесный портфель. Говорил в зал: «Здравствуйте, Зайчика не видели? Посмотрите между рядами, только осторожно, он очень ранимый! Что, нету? Кто увидит, скажите, что я уже здесь, я его ищу... Кстати, его зовут Семенов. Он умеет считать не по годам, нетребователен в быту, но очень чувстви-

телен. Узнал, что капля никотина убивает лошадь – расстроился! Побежал, дал телеграмму...»

Короче, они там вдвоем с Зайчиком по имени Семенов проживали на сцене разнообразную, не всегда веселую жизнь командировочного тех времен. Да, но «Зайчик» был потом. А пока мы едем в утреннем пиковом метро, где вдруг раздался звонок будильника, приглушенный портфелем; такой... хотелось сказать, «родной», но рука не поднимается, ибо будильник – древний и честный спутник человека, и как раз вот за самоотверженное служение его и не любят, бьют ладонью по голове. Но на этот неожиданный звонок люди взяли и заулыбались. И автор тоже заулыбался, чувствуя, как непривычно растягиваются губы и щеки. И тут произошло физически необъяснимое: вокруг стало светло! В прямом смысле! То есть ехали как бы внутри длинного погреба, и миг он превратился в пусть полный, но вагон с живыми людьми. Это было так очевидно и неожиданно! Люди заулыбались, и все осветилось. И не в песне, где за деньги поэт осветит что угодно, даже подштанники, а вот перед твоими собственными глазами...

И тогда или чуть позже потрясенный автор сказал себе примерно следующее.

Он сказал себе: «Сволочь, тебе неприятны мрачные лица – это твое горе. Но почему люди должны портить зрение о твое выражение лица, что они тебе сделали?!» И позже, будучи честным, автор приписал к тому обличительному стиху

новую концовку:

...Но посмотрися в зеркало, скотина?

Уже ль твое приятнее их лиц?!

После этого автор постановил себе улыбаться! Просто так и, главное, первым. А то пока будешь ждать, пока тебе приветливо улыбнутся, можешь не дожидаться! Сначала, конечно, было ужасно трудно, как разгибать гнутую кочергу до ровного, кто разгибал. Потом дело пошло. Смешно, но жить сразу стало веселей! Время от времени автор возвращался в свою пустынную душу, но быстро оттуда выскакивал наружу, на солнышко. Жмурясь и стряхивая со штанов.

Вот и вся повесть. С тех пор жизнь повернулась к автору передом, а к лесу задом.

А потом, потом был еще один полумистический случай, который утвердил автора на этом правильном пути.

В то время автор часто захаживал к одним знакомым. Жили они в «спальном», как сейчас говорят, районе. То есть одинаково разграфленном, одинаково уставленным одинаковыми домами. Не очень весело, особенно, если зима и долго ждать трамвай. Да. К дому тех забытых уже друзей вела выложенная бетонными плитами дорожка. Проходя к знакомому парадному, автор всегда замечал одиноко играющую девочку. Он отметил ее потому, что, когда проходил мимо, она поднимала головку и как-то по-взрослому испытующе смотрела в глаза, как бы желая что-то спросить. Но не спра-

шивала, а опускала лицо и вновь занималась своими небольшими занятиями. Так было практически всегда. Автор привык к ней, как к маленькой достопримечательности: вот так – угол девятиэтажки, так угол другой девятиэтажки, посередине выложенная бетоном дорожка. Слева – молчаливая девочка лет пяти в обычной одежде по сезону занята чем-то своим девичьим. Каждый раз, проходя в свои гости, автор видел ее рядом с дорожкой; она никогда на нее не выходила, даже не пересекала. Так было всегда. А однажды, однажды она оставила свое занятие и вышла на дорожку. Как бы преградила путь. Автор тоже остановился. Она вновь внимательно посмотрела в глаза и, наконец, задала свой вопрос. Автор на это почему-то не удивился, вроде даже его ожидал; он что-то там ей ответил и пошел себе дальше в означенные гости. Больше девочка не появлялась. И, думает сегодня автор, была ли она вообще?.. Да нет же, была, маленькая аккуратная девочка с внимательными глазами; она еще держала в руках какой-то детский предмет. Она всегда была там... такое что-то держала, не новое, оранжеватое... А тогда, тогда перегородила дорогу... с этим оранжеватым и негромко спросила, внимательно глядя глаза.

Она спросила: *«Дядя, а почему вы все время улыбаетесь?»*

А что было ей ответить? Она ведь маленькая, разве она поймет?

Свадьба

Мне говорят, ой, Тамара, веселая у тебя работа – организатор свадебных торжеств: всегда на людях и при выпивке! Я говорю: в чужих руках синица всегда толще! Выпить хочешь, так и скажи!.. Потому что сейчас такое задвигают! Не поймешь, что собираются делать: свадьбу или государственный переворот.

Допустим, приходит ко мне заказчица из новых, говорит:
– Моя Юличка в кризисе крутого немца подцепила! Свадьбу хотят гулять здесь!

Говорю:

– Дело молодое, я лично за Юличку рада, что она подцепила немца, а не другую гадость!

Ну насчет свадьбы я не волнуюсь. У меня тамада – чемпион мира по этому делу: как где свадьбу проведет, так потом молодые предохраняйся – не предохраняйся, обязательно невеста родит мальчика с аккордеоном! Феномен!

Говорю:

– Какую делаем свадьбу: конкретную или сколько той жизни?!

Заказчица дает мне журнал:

– Точно такую, как здесь, только переплюнуть!

А там – полжурнала фотографий, как модель Клавдия Шиффер выдавала замуж свои кости! Она там и так, и сяк, и боком, и скоком! Двадцать шесть кило одних кружев, остальное ключицы! Платье от кутюр, тут же рядом сам кутюр,

улыбка шестьдесят один по диагонали! – такие бабки срубил!.. Описание, кто был, кто что кушал, в чем невеста за столом сидела, в чем с тестем плясала, в чем в койку замуж отправилась!..

– Ладно, – говорю, – деньги камень ломают! Привозите немца, сделаем ему свадебное торжество! Среднее между Шиффером и Сталинградом! Когда гуляем?

– Обещался быть через неделю с немецкой пунктуальностью!

Тут уже у меня глаза стали такие... хорошо, что я очки не ношу – они бы с носа спрыгнули! Я же немцев знаю, как ободранных! Немец если сказал, хорек, значит никаких сусликов! Говорю:

– И свадьба точно такая?!

– Нет, превозмочь!

Я говорю:

– Клиент, смотрите здесь! Видите, написано черным по-русскому: «Лорд Болдуин был в своем любимом пиджаке». Клиент, я вам завтра пол нашего города наберу болдуинов в пиджаках, заправленных в любимые трусы по поводу полочки. Но Лорд у нас один – овчарка при водокачке! А мне за неделю достать лорда с родословной, кутюра с улыбкой, платье с хвостом, гостей культурных, чтоб в носки не сморкались!.. Плюс подружки невесты врежут частушку:

Мотоцикл купил мне милый,

Люлька скачет с жуткой силой!

Я ему тогда сказала,
Лучше б койка так скакала!

Как это немцу переведете: «Дер диван тресь-тресь?»
Она говорит:

– Нам нельзя перед Европой ударить этим местом в грязь!

Нам нужно ударить этим местом Европу!

Знает, зараза, что я патриотка! Что я за своих готова на самое отчаянное – сработать без бабок!

– Ладно, – говорю, – давай, журнал и готовь это место, то есть расходы! Время пошло!

Нет, Юличка, конечно, видная невеста! Победительница конкурса «Мисс наша область». Всем претенденткам эту красную ленту через плечо цепляли, а ей цепляли, цепляли, потом сложили и просто в декольте засунули: никакая лента через эту грудь не перевалит, разве что Суворов. Так у нее и жених был! Вовчик! Возьмет, бывало, в руку буханку хлеба, говорит, угадай, что в руке?! Она с ним чего-то поцапалась, так он и уехал неизвестно куда. А какая порода людей могла пойти!.. Эх!

Короче, первое, где гулять? Заказчица говорит: если эти Шифферы гуляли в своем родовом замке, давайте сделаем свадьбу в нашем родильном отделении! Остановились на нашем родовом Доме культуры! Кричу, обдирайте штукатурку, цепляйте паутину, меняйте евроокна на ржавые решетки,

ищите в подвале привидение! В коридоре и в туалетах развесьте портреты предков! Предков не жалеть!

Читаю дальше: «Свадебное торжество романтически освещалось свечами со спичками...» Что это значит – романтически? Если это то, про что я подумала, – так извините меня! Что за свадебное торжество без драки?! Пойдут кривотолки: или невеста с изъяном, или родители ребенку счастья не желают!.. Кстати, надо родных выдрессировать, чтоб чего не лягнули; чтоб у гостей носки желательно одинаковые; чтобы подружки нормальные песни выучили, а то у них самая приличная называется «Почему петух пьет, но не писает?».

Главное, думаю, не отступить от оригинала. Читаем оригинал: «Знаменитый струнный квартет весь вечер играл Брамса и Генделя». Кричу, где струнный квартет?! Достали струнный квартет: труба, две валторны, тромбон и бухгалтер на барабане! Ну у меня слух абсолютный: я могу стоя спиной по звуку отличить, сколько денег в пачке и которая фальшивая! Зато в остальной музыке я Бетховен – ничего не слышу!

Говорю тромбону, Брамса сможете?! Говорит, деньги камень ломают! Я говорю, значит так: целый вечер играете Брамса, Менделя, Пенделя, потом остальную чесотку! Время пошло!

Так оно давно пошло, а у меня еще пьяный конь не валялся! У меня одних гостей двести пятьдесят лиц от другого слова! Потому что у половины после третьей рюмки уже не

лицо, а словесный портрет, сделанный зайкой! Ищу тренера по манерам, педагога по культурным танцам. В среду приезжает старичок-консультант по вежливому питанию. Звонил: заготовьте для тренировок небьющуюся посуду и перевязочные материалы. На всякий случай арендую у военных жестяные миски, банные тазики, медсестру и бидон с йодом. Уже по городу слух пошел, что под нами – несметные залежи керосина! Немцы приезжают с трубой – озолотимся! Уже народ из простыней арабские накидки строчит – готовятся в шейхи, хоть многие до сих пор уверены, что баксы – это колорадские жуки. Коммухоз пилит деревья под пустыню и красит собак под шакалов!

Короче, дело движется! Хоть мне, допустим, за державу обидно: таких невест немцам расходуем. Душа болит, а что поделаешь? Уже учитель Михаил Ефимович за сорок баксов сочиняет городскому лорду родословную непосредственно от ящерицы. Эти вырыли вокруг Дома культуры замковый ров, запустили туда карасей, бросили подъемный мост и поставили табличку на немецком: «Ловля рыбы запрещена! Штраф – 50 пиастров!» В середине ремонт в разгаре, на стенах портреты предков вплоть до Гагарина. Кричу, при чем тут Энгельс с Марксом, я не знаю?! Кричат, это не Энгельс, это родственники невесты по матерной линии!

Бегу дальше. В спортзале перекур. Что у вас? Говорят, курсы по отвешиванию дамам комплиментов. Смотрю, сидят две старушки – мыши компьютерные. Курсант к ней под-

ходит, отвешивает комплимент, непосредственно в ухо. Старушка открывает рот, тренер ей туда кусок сахара – следующий!

В соседнем помещении – танцы. Тренер дает теорию: танцы делятся на культурные и то, что сейчас. Культурный – это танец, где мужчина называется кавалером, а женщина – кавалеристкой. Нормально, думаю, процесс пошел! Там же, но в другом конце кавалер с дамой сцепились – учатся к ручке прикладываться! Дама кричит, Валик, ты куда прикладываешься, скотина, не видишь, муж смотрит?! А мужу они до стенки – он сам тренируется пить на брудершафт: выпить и поцеловаться с партнером. Ему партнера не досталось, так он заводит руку со стаканом за водопроводное колено, выпивает и целуется с умывальником. Смотрю, Лиля косится на Алика исподлобья, как лошадь на трактор и сопит точно так же страшно. Говорю: «Лилия, ты чего?» Она говорит сквозь зубы: «Тихо, Тамара, не мешай! Это я тренируюсь кокетничать!»

Короче, только три дня прошло, а у меня уже пульс перебрался с руки на переносицу! В каждом ухе по мобильнику, еще три под мышками трезвонят. Ой, опозоримся! А нельзя! Каждую минуту новая вводная! Заказчики кричат: никаких отбивных, будет шведский стол! Бегу в РСУ: нужен шведский стол на двести пятьдесят наших шведов! Говорят, не видишь, техника погибла. Дала предоплату – за спиной циркулярки взвыли! А я уже лечу в водоканал. Там у старичка

по культурному питанию нервный срыв: народ не въезжает в фразу: «Гости запивали яства прекрасным французским вином». Добровольцы, чтоб показать этот идиотизм, клали в рот голубец, заливали стаканом прекрасного белорусского самогона и долго сидели, скосив глаза на переносицу, пока они не переставали проситься вон!

Короче, на четвертый день не рада ни деньгам, ни свадьбе, ни что на свет родилась! Плюс приглашенные эстрадные звезды! А там же каждый поросенок с хреном представляет, что он свинья в апельсинах! Бедную невесту разрывают между кутюром и педикюром! Упаду возле нее, говорю, эх, Юличка, какая бы вы с Вовчиком были пара! «Не вспоминайте мне про Вовчика, он еще слезами утрется, когда узнает, какая была свадьба! Кто понесет шлейф?...» Ой! Я про шлейф – из ума вон! У них был шлейф, пять метров, несли мальчишки-пажи! Наши сварганили шлейф – двадцать шесть метров турецкого тюля на основе каспийской рыболовной снасти для крепости! Кричу, где мальчишки?! Привели мальчиков, из ПТУ! Кричу, шлейф понесете?! За бабки, говорят, кого хочешь понесем по кочкам! Хочешь, тебя! Впрягайтесь, говорю, время пошло! Несусь дальше, на ходу отвечаю на вопросы. Зачем кушать: вилка в левой, ножик в правой, когда половником ухватистой? Кричу, это же Европа забацанная! Он вилкой пищу накалывает, ножиком от соседа свое сторожит! Где мой струнный квартет?! Бегу на репетицию, слушаю классику. Тут же из подвала доносится нече-

ловеческий вой – это музейные по договоренности сделали фамильное привидение из безработного Гарика, а кормить забывают. Слушаю это все и думаю: побьем Европу!..

Старики ничего не понимают, но говорят, надо побить, а то они нашу руку уже позабыли!

Но тут Европа как развернется да как лягнет! Получаю факс: «Немец со свитой приезжают на два дня раньше непосредственно к загсу в связи с бизнесом!» Не помню, что я тогда говорила насчет немецкой пунктуальности!.. Но, видно, громко. Очевидцы говорили, электричка от вокзала не могла отойти – пассажиры трогаться не разрешали!

Короче, утро. Ветер. Толпа возле загса. Невесте шлейф разматывают. Распорядитель кричит: Кто отвечает за лужи?! Разметите лужи перед загсом, чтоб немцы не мочились! Напряжение зашкаливает! 10 – жениха нет, 10.20 – нет! 11 – нет! Я к гостям – там за шведским столом стоят две с половиной сотни культурных шведов; у которого – салфетка за-ткнута за галстук, у кого – непосредственно в ботинок. Вилка в левой, нож в правой, но лица *очень строгие*, потому что на шведском столе только свечи и зубочистки, выструганные из топорниц! Сейчас что-то будет!.. На улице – невеста губы кусает; ветер поднялся – мальчики в шлейф вцепились, как в тонущий «Варяг», их мотает о деревья и о землю! Все, крах! Конец моей карьеры! И тут на горизонте пыль, грохот, на площадь влетают туча мотоциклистов, машины, передняя – как самолет! Невеста к ней! Раскрывается дверца, медлен-

но выходит здоровенный, красивый, улыбающийся... Вовчик! Остановились, смотрят друг на друга. Тут из толпы как крикнут голодным голосом: «Горько!» Они как бросятся в объятия – так в тех объятиях микробы погибли! На три года вперед!..

Ну конечно, свадьба была! Из соседнего города МЧС приезжало: помощь не нужна? Им потом самим помощь оказывали, когда жены за ними приехали!.. Короче, хорошо погуляли, по-русски!

Откуда взялся Вовчик? Так это же я все подстроила, и его научила! Хватит, что в эту дурную Европу наши мозги вывозят и другие ископаемые! Так мы им еще породу улучшать! А не вырвет вас?!

Нам самим красивые люди понадобятся!

«По диким степям Закавказья...»

(опыт постперестроечного кино)

Дело было так.

Последняя машина покидала большую военную базу. Вот так – горы, вот так – тоже горы, и слева горы, и сверху горы, а посередине, в долине военная база, уже эвакуированная. Некий лейтенант еще раз окинул взглядом опустевшую территорию, вышки, строения и проволоки, казармы, с которых заботливые местные жители уже начали снимать шифер, сказал, кажись, все! С этим он хлопнул дверцей, и ма-

шина отчалила. Возле осиротевшего КПП машина тормознула, лейтенант прихватил заблудшую курицу, и они бросились догонять основную колонну.

С отъездом колонны в истории маленькой, но гордой Республики Мангалия началась новая эра.

Собственно, республикой она стала не так давно, сразу с объявлением перестройки. Товарищ Ухухоев, председатель местного Верховного Совета как-то вечером взошел на высокую трибуну и сказал: «С этой минуты будем республикой!» И добавил: «Клянусь мамой! А флаг и гимн, я потом скажу, какой!» Рядом, видя такое дело, образовались еще такие же вольные республики – бывшие соседи по бывшему социалистическому лагерю. Не зная толком, с чего начинаются новые эры, товарищ Ухухоев подчитал прессу и для начала объявил Мангалию зоной, свободной от всякого оружия. Тогда это было модно. «А раз такое дело, – писал он в Москву шариковой ручкой, – попросим Вас убрать свою военную базу с суверенной территории, клянусь мамой!» Москва особо не возражала, ибо база та была устаревшая и, как на новое мышление, даже архаичная.

Это пока присказка.

И вот неделю маленький, но гордый мангальский народ праздновал независимость, состязался в ловкости акынов, арыков и аксакалов. И вторую неделю гулял, состязаясь в той же ловкости и умении выпить бутылку водки «винтом», как это делали русские. Впрочем, без особых достижений, осо-

бенно у женщин это получалось очень комично. Короче, гуляли бы, может, до сих пор, но на утро третьей недели из Москвы прибыла группа хмурых военных и сказала: «Здравствуйте, мы тут у вас подзабыли кое-какое имущество, просим вернуть!..» Как, вернуть?! Что такое вернуть ни свет, ни заря?! У людей, между прочим, праздник! У людей независимость и легендарное гостеприимство! Веселый мангальский президент товарищ Ухухоев широким жестом приглашал гостей к пиршеству, но военные отводили глаза от столов, упирая на чувство долга, и обещались в следующий раз. А теперь, говорили они, отдайте нам наше, а то в Генштабе нервничают и стучат кулаком. Президенту не понравились имперские замашки этих посланцев из прошлого. Слово за слово – сцепились. В результате маленький, но гордый Хохо Хохоевич вытолкал этих полковников взащей, побросал им вслед черные «дипломаты», затем лично пришел в Верховный Совет, разбудил сторожа и объявил последнему, что Мангалия выходит из состава СССР, раз они такие!

Утром они со сторожем составили соответствующий указ.

Снова неделю гуляли, состязаясь в желании лечь и не шевелиться.

Это еще одна присказка.

А что же произошло? Произошло вот что. Когда базу ликвидировали, уже в Москве некто материально ответственный просмотрел накладные и печати и воскликнул: «А ракеты?! У меня по бумагам числятся ракеты!» Конечно, за-

волновались, захлопали дверями: где ракеты? кто последний уезжал с базы? не может быть, чтобы не было ракет! В результате выяснили следующее удручение: во время эвакуации базы тоже гуляли, состязаясь в умении пить кахетинское вниз головой; пели полюбившиеся украинские песни и, естественно, уже опаздывали. Так что с поверхности забрали все, что не успели продать, а внутри, в шахтах осталось стоять некоторое число длинных зеленых ракет, которые любили возить по Красной площади именно в конце парада войск и артиллерии! Короче, забыли и все, тут забудешь, как мать родную зовут, а не только ракеты!.. Время-то было, правду сказать, бешеное...

Ну положим, ракеты те были тоже устаревшие. Но, положим, готовые к длительному перелету и наведению паники в рядах как условного, так и безусловного противника. Но беда не ходит одна. Там же в Москве в среду некто, помешивая ложечкой чай, сказал: «Я точно, товарищи, не помню, но, кажись, на них стоят разделяющиеся боеголовки. – И добавил: – Вроде в момент очередного кризиса их как поставили на взвод, так и забыли снять; вроде завхоз сказал, пускай, товарищи, остаются; чего зря таскать, только царапаются, одинаково скоро новый кризис!.. Но, может, и сняли головки, – добавил сообщивший это дело, – кто ж его теперь знает!»

И вышел с чаем.

И вот юмористическая ситуация: эти говорят, отдайте наше, гляньте, там внизу должно быть написано «Сделано в

СССР»! Товарищ Ухухоев, имея какой-то свой интерес, упирает на то, что ракеты находятся в шахтах, грубо говоря, в недрах, которые по мангальской Конституции принадлежат мангальскому народу, потому ракеты должно рассматривать, как полезные ископаемые! Естественно, начинаются переговоры, которые, естественно, заходят в тупик. Взаимные упреки и угрозы, накал страстей, разрыв отношений и прочий дипломатический турдефранс! В финале гордый товарищ Ухухоев заявляет, что, если надо, гордый мангальский народ уйдет со сцены истории, но, уходя, громко хлопнет дверью! При этом он показывает любительское видео, на котором можно видеть злополучные ракеты в шахтах, а внизу, у подножия – ящики со строгой надписью «динамит». Сам же товарищ Ухухоев был запечатлен с «ядерным чемоданчиком», то есть детским портфельчиком, в котором находилось некоторое устройство с двумя голыми проводами. Соединив в час «Х» эти провода ручным способом, президент товарищ Ухухоев, по его заявлению, приводит ящики в шахтах в состояние взрыва, а там – на кого Бог пошлет! Опытные люди на калькуляторах тут же подсчитали, что Бог может послать на все, включая кроткую Новую Зеландию, не говоря уже про Европу, в которой рискуют уцелеть лишь волнистые попугайчики!

Мировое сообщество в который раз прокляло перестройку и призвало стороны к сдержанности.

Конец присказок.

Как-то летом, в самый разгар этого политического карамболя, в Мангалию был заброшен наш человек под видом личного племянника товарища Ухухоева, так как настоящий племянник уже давно сидел в исправительном учреждении тогдашней необъятной родины. Туда же с той же целью были командированы еще три лжеплемянника от немцев, американцев и вездесущих китайцев. Племянники навещали высокого дядю в порядке поступления через границу. Первый убеждал дядю вернуть себе исконные мангальские территории, включая Страну восходящего солнца, и предлагал чертеж, как все это сделать. Другой племянник тоже склонял вернуть территории, но уже западные. Приводил в пример бойкую Португалию, которая в свое время, чем только не владела, а у самой территории – плюнуть и растереть! В подтверждение он плевал на линолеум и растирал здоровенным ботинком. Получалось, молодец Португалия! Американский племянник ни к чему не склонял, не успел. Во-первых, потому, что оказался черным негром – что-то там в ЦРУ перепутали; во-вторых, потому, что на волю бежал настоящий племянник своего дяди. К тому времени он уже был авторитетным сидельцем в Красноярском крае, живо интересовался политикой, а тут, конечно, такая пруха! Вот он вырвался на свободу с нечистой совестью, приказал арестовать своих лжебратьев, склонил товарища Ухухоева назначить его (настоящего племянника) министром мангальской обороны. На

эту наглость уже крепко обиделись отыскавшиеся во множестве родственники мангальского президента и давай вынашивать планы торжества справедливости. Один экзотичнее другого.

Тут же в далекой Аргентине некто Родриго Дж. Али-заде прочел про мангальский кризис в аргентинской «вечерке», запер лавку изнутри на стул и сообщил жене, что род Ализаде кровные враги Ухухоевым. Но что взаимоистребительная партия прервалась на самом интересном в Октябрьский переворот 1917-го года, и, помнится, сейчас ход рода Ализаде, но это за девять тысяч километров. Его горячая, мающаяся дурью жена сказала «банзай!», купила визу на все стороны света, сунула мужу в руку карабин, и они отчалили в Мангалию для свершения акта кровной мести. Будучи та-ки дурой, она нацепила мужу поверх необъятного сомбреро русскую ушанку.

Тут же из отдаленного горного аула спустился долгожитель – бывшая гордость Мангалии. Последние сто лет он кормился тем, что по бумажке рассказывал интуристам про Александра Пушкина, которого помнил еще босоногим лицеистом, которого друзья-лицеисты в шутку звали Федор Шаляпин. Теперь интуристы иссякли, долгожитель отошал, спустился узнать, куда девались научные сотрудники и спелеологи и кого нужно убить, чтобы опять стало хорошо? С ним спустился весь его род, примерно двести молчаливых людей со смазанным оружием.

Тут же в горах появился снежный человек, о котором позже. По словам очевидцев, он активно рычал, кидался предметами вниз, бил себя в косматую грудь, как бы о чем-то предупреждая! При приближении людей внезапно пропадал, словно проваливаясь сквозь землю. Поднявшись на то место, австрийские ученые находили истерзанные пластиковые бутылки, застывший кизяк и отпечаток огромной ступни.

В общем, такое копошение и переплетение стольких гордых, но горячих голов вокруг шахт со старым, но еще грозным оружием сделало волосок, на котором обычно висит судьба мира, совсем тщетным. Нужна была, как говорится, последняя капля. И она уже было зависла, но тут произошло смешное, но вполне логичное для тех лет событие, после которого мир вернулся в исходное положение, а мировое сообщество еще долго облегченно смеялось, откашливаясь и держась за сердце.

Но это было потом, а сначала события разворачивались так.

Однажды в резиденцию мангальского президента постучали с улицы. Бородатый пресс-секретарь Ухухоева протер очки полой бурки и впустил в помещение мужчину в двухэтажной шляпе. Следом вошла ничего себе бледнолицая женщина. Мужчина с порога сказал, мир-дружба, я – финский рабочий-строитель, вот справка, вот – мой характерный финский акцент, вот моя личная секретарша – хочу строить у вас правовое государство! При этом на плече мужчи-

на имел винтовку американского образца. В канцелярии не удивились. В то время в горах с оружием ходили все, кто еще мог ходить в туалет самостоятельно или намеревался строить демократию. Пройдя в дверь с табличкой «Президент. Открыто на обед с 14 до 23», мужчина снял винтовку и выстрелил в грудь кровному врагу, но попал в телеэкран, имея дохлые навыки в начальной военной подготовке. Его с его дамой скрутили, допросили и объявили войну Финляндии. При этом мирные финны мирно пилят финскую древесину, непрерывно улучшают качество финской жизни, а тут получите: «На ваше имя пришел факс с уведомлением о начале войны до победного конца! Ждем ответа». Добрые жители Хельсинки снимают лыжи и давай искать на карте Мангалию, естественно, не находят, но чувствуют, что это где-то в России, поэтому объявляют войну Калининградской области, а заодно и Филиппинам, имея к последним личную северную неприязнь. Проделав все это с характерной финской скоростью, они разворачивают «тормозок» со вторым завтраком, потом уходят в тайгу заниматься исконным делом – рачительно пересчитывать древесные опилки, настроение хорошее. Получив уведомление о начале военных действий, ловкий филиппинский диктатор сказал себе: Фелипе, это твой шанс! И объявил встречную войну неизвестной Финляндии, а заодно и Франции, поскольку она тоже на «Ф», но главное – Америке, подразумевая в ней источник мирового свинства. Будучи не только ловким, но и коварным, он не

уточнил, какой именно Америке он грозит войной, и адрес написал расплывчатый: «Америка, Президенту. Поздравляю началом военных действий. Твой враг Фелипе».

Получив такую скверную депешу, три десятка президентов и диктаторов в обеих Америках, как в Северной, так и во второй смотрели телевизор. Почитав, почесали в голове: что за Фелипе? Какая, к шакалам, война в середине недели? Но, главное, переспрашивать неудобно! Посоветовавшись с супругами, почесали в голове еще раз и сели вечером сочинять ответную ноту, стараясь не грубить. Почта исправно доставляла ноты по адресу, кое-что, конечно, нахомутов от себя, так что Дания, например, выяснилась в состоянии войны с Копенгагеном, а Сирия – с собственной сборной по биатлону, которой у них отродясь не было.

В общем, мир быстро двигался к своему концу, к которому, кстати, всегда стремился с маниакальным упорством.

На этом политическом фоне блекло прозвучала сенсация, что австрийский ученый Курт столкнулся с мангальским снежным человеком буквально возле газовой трубы и, будучи пихнут тем человеком в грудь, очнулся в таинственном горном ауле, бежал оттуда вниз, увидев там на женщинах много золота, серебра, а также жилища, буквально обклеенные деньгами. И еще много чего увидел там, пока научно недоступного. Дорогу туда показать не в силах, ударившись на обратном пути о выступ сакли. Группа черных копателей немедленно навестила его в больнице, но ушла ни с

чем, поскольку австриец Курт от этого приключения малость повредился умом.

А в это время в далекой Мангалии события разворачивались так. Во-первых, оказалось, что род Али-заде был кровным врагом не Ухухоевых, а Мойдодыровых! Так что незадачливого мстителя вытолкали в шею и в сторону Минеральных Вод пешком по шпалам. Его лжесекретаршу оставил у себя племянник своего дяди. В качестве гражданской жены. Во-вторых, однажды она, маясь своей амбициозной дурью, велела вызвать одного из арестованных лжеплемянников и повторить насчет Португалии, которая в свое время чем только не владела, а у самой территории – плюнуть и растереть. По ее просьбе арестованный плевал на линолеум, растирая слюни шнурованным ботинком. Когда у арестованного закончились слюни, она показала заплеванный пол настоящему племяннику со словами, ты понял, шайтан?! То есть на следующий день на президентском сайте появился текст с призывом человечеству в течение месяца вернуть исконные мангальские территории. Список на трех листах прилагался. Если же, допустим, не находилось аргументов, почему данная территория искони принадлежит Великим Мангалам, любопытным показывался ролик, где Хохо Хохоевич играл с внуком рядом с «ядерным чемоданчиком», а дите тянулось ручонками к голым проводам, которые стоит только сомкнуть, и уже ничего доказывать будет не надо. Ибо будет некому...

Ролик заканчивался часами во весь экран, под которыми на ста двадцати языках и наречиях стояла фраза: *время пошло!*

Неизвестно, чем бы это закончилось, но дело, как всегда, спас случай. То есть снежный человек. В смысле упомянутый Курт. Выйдя как-то ночью по малой нужде, он еще раз шмякнулся башкой о скалу и вспомнил свое приключение со снежным человеком до мелочей. Тогда они с немецким упорством снарядили экспедицию и через три дня напали на его, снежного человека, прямой след. След этот принадлежал бывшему прапорщику бывших советских войск Хадоркину. Прапорщик Хадоркин служил на злосчастной базе и, будучи приставленным к ракетам по хозяйственной части, потихоньку доставал из них начинку, содержащую драгметаллы, и продавал деловым людям на вес. А взамен ставил туда крепления от лыж, панцирные сетки и чайные подстаканники. Их ему поставлял знакомый проводник Северо-Кавказской ж/д. К тому времени, когда задул ветер перемен, прапорщик ракетных войск стратегического назначения Хадоркин Л. Д. добыл из вверенных ракет всю полезную начинку и поселился в дальнем замшелом ауле, куда перетащил нереализованное военно-ракетное имущество, ожидая прихода новой жизни. Что касается овдовевших ракет, то их по-прежнему можно было возить в конце парада, показывать женщинам и зарубежным корреспондентам; или посадить рядом с ними джигитов, круглосуточно играющих в

нарды на ящиках с динамитом в ожидании команды «первый – пошел!». А ни на что более серьезное они давно не годились. Но чаемый капитализм все не являлся, поскольку:

а) Мангалия и сопредельные страны вместо капитализма сделали решительный скачок в феодализм со всеми строгими вытекающими;

б) на бывшей Родине вероломно поменялись деньги! Так что тщательно замаскированную пещеру, до половины заваленную накопленными пачками и мешками с пачками, можно было тоже показывать туристам. Поскольку на обклейку освободившимися «десятками» хижин и вигвамов пошла самая их ерунда. Сам Хадоркин, смертельно скучая по нормальной еде, прикинулся снежным человеком, выбирался наружу неизвестными тропами, пугал туристов, а когда все с визгом разбегались, заходил в лагерь, кушал разбросанную сгущенку и читал газеты. После чего удалялся с горловым рыком, оставляя на снегу огромный след, который всегда носил прикрепленным за спиной.

Такие дела.

Тут и сказке ТХЕ ЭНД.

Еще одна «Книга Эсфирь»

Однажды пришли к автору ребята из близлежащей синагоги и сказали следующее.

– Автор, – сказали они, – ты хоть и христианин, а умеешь.

А мы – молодые – хотим представить что-то такое на наш веселый праздник, чтобы наши старики узнали, наконец, чему он посвящен, а услышав, задрожали от смеха. Ибо праздник этот, как уже мы сказали, веселый. Ву компрене, добавили они на своем языке?

А чего ж и не компрене.

В результате они таки сделали некоторое театральное действие, и, говорят, там было много смеха. И что для автора дорого, история получилась исторически не перевернутая.

А это уже пилотаж.

На сцене появляется чтец, одет во что угодно.

Чтец торжественно:

– Во времена царя Артаксеркса, в третий год царствования его, царь издал указ, чтобы собрали всех молодых девиц, красивых видом, в престольный город Сузы, и девица, которая понравится глазам царя, станет царицею.

Был в то время в Сузах иудеянин, имя его Мардохей, из колена Вениаминова. И был он воспитателем девицы Есфири, так как не было у нее ни отца, ни матери. Она была красива станом и пригожа лицом.

И сказал Мардохей Эсфири:

– Эсфирь, ты тоже приглашена пред лице царя Артаксеркса. Поди собери портфолио твое.

И ответила Эсфирь:

– О воспитатель и биологический дядя мой, при мне порт-

фолио мое!

Имея в виду упомянутое лицо и красивый стан свой.

И полюбил царь Есфирь более всех девиц, и возложил царский венец на голову ее, и сделал ее царицею от Индии до Эфиопии.

И отметили это событие вавилонские мудрецы и халдеи, как лучший старт-ап шестого века до нашей эры.

Чтец:

– «В те дни возвеличил царь Артаксеркс Амана, сына Амадафа, и вознес его, и поставил его...

Входит Аман, сердитый и стремительный, одет как угодно.

Аман, исполнен гнева, – Чтецу:

– погоди! Напомни всем, кто я такой?!

– Ты – Аман, сын Амадафа, ты был внесен в шорт-лист любимцев царских, и царь вознес и поставил твое седалище выше всех князей его!..

Аман подозрительно:

– Что-что поставил?

– Ну, трон.

– А, в этом смысле!.. Дальше.

– «И все, служащие при царе, должны падать ниц пред Аманом, ибо так приказал царь!..»

– Вот! А Мордехай Иудеянин, сидящий у царских ворот, – не падает! – Подозрительно: – Кстати, почему *ты* не пада-

ешь?

– Я сегодня уже.

– Да?! – Меняет тему: – Видел ли ты новую царицу и как она показалась тебе?

– Не видели ее очи мои!

– Как не видели ее очи твои, вспомни, я шел подле нее.

– Я как раз лежал ниц!

– Молодец. – Свирепо: – А Мордехай нет!

Поправил:

– Мардохей! Мы уже говорили: Мардохей, зачем ты престопаешь повеление царское? За это – смертная казнь!

– А он?!

– Говорит, Закон их запрещает кланяться никому, кроме Бога их! И сказали мы, Мардохей: отдельно мухи, и отдельно котлеты от них! Упави перед Аманом, потом перед Богом своим! Говорит, нет!

– Почему?!

– Он говорит, одно из падений будет нелегитимным!

– Да?! Я прикажу повесить его!

– Ты забыл, Аман, Мардохей раскрыл заговор и спас жизнь царскую! И дал царь Мардохею за это бонусы и соцпакет и повелел, да не упадет ни одна перхоть с головы его!

Гордо:

– *Мое* седалище вознес царь выше всех!

– Ты знаешь царя, сегодня вознес седалище твое, завтра опустит его!

– Что делать мне?!

Придумал:

– Пусть царь прикажет уничтожить *всех* евреев! И тогда Мардохей Иудеянин будет казнен как бы по умолчанию. Спросит царь, где Мардохей – спаситель мой?! Извините, ваше величество, ваша подпись?! Слово царское – закон!

Аман:

– Побегу к царю обеими ногами моими!

Убежал.

Пошла музыка какая угодно, но торжественная – царь идет!

Чтец, как глашатай:

– Великий царь и владыка вселенной Артаксеркс!

Вошел веселый Царь, следом мрачный Аман.

Царь:

– Почему мрачно чело твое, верный Аман?!

Аман не расслышал от расстройства:

– Чего, чего, царь?

Царь просто:

– Ну, чего голову морщишь?!

Аман с укором:

– Ты, царь, поставил *мое* седалище над всеми?!

Царь сильно удивлен:

– Твое седалище?! А, в этом смысле... Да!.. Кстати, я реально повелел, чтобы все падали пред тобой на физическое лицо свое!

Аман поправляет:

– Свое!

– Один черт! И как падеж?!

– Начну издалека, царь. – К Чтецу: – Читай!

Чтец:

– «И сказал Аман царю Артаксерксу: есть один народ, разбросанный и рассеянный по всем областям царства твоего, дикий и непокорный; законы их отличны от законов всех народов, и законы царя есть *отстой* в глазах их...»

Царь изумлен:

– Конкретно, какой закон?!

Аман:

– Конкретно повеление твое: евреи, не жалеите заварку вашу!

– Не исполняют?!

– И никогда не будут, царь! Учти, сегодня они перестанут падать на лице свое. Завтра потребуют легализацию однополых браков их! И я не удивлюсь! Если ты не закончишь, как Каддафи!

Царь испуган:

– Что делать, верный Аман?!

– Это разговор! – Чтецу: – Давай!

Чтец:

– «И сказал Аман: Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить всех евреев вместе с детьми их. И изгладить их у народов из оперативной памяти их...»

Царь:

– Молодец! – Врет: – Я и сам думал, пора кого-то казнить!

А вот кого? Стали на раскоряку мозги мои.

Чтец:

– «Тогда снял царь перстень свой с руки своей и отдал его Аману, сыну Амадафа, чтобы скрепить указ против иудеев...»

Царь собирается снять перстень, жалко, Амману:

– Короче, передашь на словах! – Уходя: – Кстати, что такое кадафи?

Аман:

– Долго объяснить, царь... Ты сам погугли... А мне надо исполнять приказ царский!

Царь и Аман уходят.

Чтец:

– «И сделал Аман совет, и бросали пур, то есть жребий, чтобы в один день погубить народ Мардохеев, и пал жребий на тринадцатый день месяца Адара! И во всяком месте, куда доходило повеление царя, был у иудеев плач и вопль; и пепел служил постелью для многих. И тогда позвала царица Эсфирь Мардохея, дядю своего, узнать: что это и отчего это?»

Царица:

– Что случилось, Мардохей и дядя мой, почему шум?!

Мардохей горько:

– Увы мне! Царь приказал всем падать пред Аманом, я сказал, никому, кроме Господа моего, я не стану делать этого вовек!

Царица:

– И?..

Мардохей:

– И за это царь приказал уничтожить всех евреев...

Царица поражена:

– Опять?! Утешься, это еще никому не удавалось!

Мардохей продолжает:

– ...а из меня он хочет сделать лежачего полицейского!

Иди и моли царя о помиловании!

Царица:

– Это невозможно. Он заперся во внутреннем дворе! Все знают, что всякому, кто без спроса войдет к царю, один суд – смерть.

Мардохей поражен:

– Ты же царица?!

Царица с горечью:

– Он и меня уже не звал к себе целый месяц! Говорят, менопауза у него!

Мардохей:

– Если ты не пойдешь, все мы погибнем! Я первый!

Царица:

– Хорошо. Собери всех иудеев, и поститесь ради меня, и я пойду к царю, хотя это против закона, и, если погибнуть –

погибну. – Чтецу. – Давай дальше!

Чтец:

– «И пошла царица Эсфирь, и молилась Господу Богу Израилеву, говоря: Господи, Ты один Царь наш, но сколько можно?! Чуть что – евреи! Господи, Боже мой – это уже даже не смешно! А еще Ты дал мне мужа царя, а он уже месяц не звал к себе. А мужчинам, которые могли бы заместить менапаузу его, сделал обрезание, но очень грубо! Не мне Тебе указывать, великому и страшному, но тут надо что-то решать!

На третий день Эсфирь сняла одежды сетования и сменила дресс-код свой и вошла к царю».

Царь:

– Кого я вижу, Эсфирь-царица! Какая просьба твоя? Даже до полуцарства будет дано тебе!

Эсфирь сухо:

– Сперва дело, царь! – Чтецу: – Давай!

Чтец:

– «И отвечала Эсфирь: вот моя просьба. Если я нашла благоволение в очах царя, и если это царь ставил лайки под изображением лица моего, то пусть царь с Аманом придет завтра на пир, который я приготовлю для них, и завтра я исполню слово царя! И сказал царь: сходите, скажите Аману, чтобы сделать по слову Есфири».

Царь:

– Ты довольна, царица?

Эсфирь осторожно:

– А слово царское – закон?

Царь осторожно:

– А что?

Эсфирь:

– Я насчет речи твоей о половине царства твоего!

Царь замялся:

– Э-э... А во сколько, говоришь, пир?.. Побегу – поберею
лице мое!

Убежал, гад. Царица за ним.

Появляется свирепый Аман. Чтецу:

– Давай!

Чтец испуган, скороговоркой:

– «И сказал Аман: вот я, Аман, большой и страшный, и
вознес царь меня над другими князьями, а этот Мар, изви-
няюсь, дохей снова не упал предо мной! И это в то время,
когда царица Есфирь никого не позвала на пир, кроме меня
и царя!»

Аман:

– Читай членораздельно!

Чтец:

– В каком смысле членораздельно?!

Аман:

– В косвенном, ишак! – Забрал, читает по слогам: – «Но

всего этого не довольно для меня, доколе не вижу Мардохея Иудеянина, повешенным у ворот царских». Что делать мне, до месяца Адар еще половина года?! Полгода мне терпеть наглость его!

Чтец:

– Скажи царю так: «Дивное дело затеял ты, царь, приказав истребить евреев. Дивное, но и ответственное в очах мировой общественности! Прикажи сделать пилотный вариант». И повесть Мардохея.

Аман ликует:

– Что же ты молчал?! Давай дальше!

Чтец:

– «И сказали Аману: пусть приготовят дерево вышиною в пятьдесят локтей, и скажи, чтобы повесили Мардохея на нем, и тогда весело иди на пир с царем. И понравилось это слово Аману, и он приготовил дерево».

Аман:

– Побегу предложу царю, может, он еще не спит!

Убежал. Ой, не торопись, злобный Аман, еще неизвестно, кто кого повесит!

Появился царь, какой-то помятый, что ли. Говорит Чтецу:

– Читай дальше, что там у тебя!

Чтец:

– «В ту ночь Господь отнял сон от царя...»

Царь:

– Правильно пишут, отнял! – Задумчиво. – Не вспомнишь: слово царское – закон? Только честно!

Чтец:

– Закон, а что?!

Царь:

– Я пообещал царице полцарства! Что делать?!

Чтец:

– Царь обязан отвечать за базар царский!

Царь:

– Без тебя знаю! Спрашиваю, что будем делать?!

Чтец:

– Издай указ, царь: «Царице Эсфирь за заслуги перед отечеством отдается половина царства нашего!» Особые условия – *самовывоз!*» Пусть забирает!

Царь – Чтецу:

– Ты, наверное, еврей!

Чтец уклончиво:

– Кстати, сегодня годовщина, когда спас Мардохей царя от евнухов царских, которые замыслили наложить руку на царя Артаксеркса за то, что сделал им обрезание, но не считал.

Вбегает Аман со своим предложением.

Аман:

– Царь, у тебя возникла блестящая идея!..

Царь:

– Да, верный Аман, я как раз думаю, что сделать тому че-

ловеку, которого царь хочет отличить почестью?»

Аман говорит про себя: «Аман, сегодня твой день: кому другому захочет царь оказать почесть, кроме меня?»

Царю:

– Я уже над этим думал, царь! – Чтецу: – Давай.

Чтец:

– «И сказал Аман, сын Амадафа: Тому человеку, которого царь хочет отличить, пусть принесут одеяние царское и возложат царский венец на голову его. И пусть вывезет его на коне из первых князей царских на городскую площадь и провозгласит: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестью!»

Царь:

– Вот это по-царски! Возьми одеяние и коня и сделай это Мардохею Иудеянину, ничего не опусти из всего, что ты говорил.

Аман убит:

– Кому-кому?!

Царь засыпает:

– Делай, как я сказал! У меня сегодня пир. Задолбали делами своими, некогда на пир сходить! И сам приходи по слову Эсфири!

Чтец:

– «И взял Аман одеяние и коня и облек Мардохея, и вывел его на коне на городскую площадь, и провозгласил пред ним: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить

почестью!»

И пришел в тот день Аман пировать с царем у Есфири царицы, и падали все поголовно пред ним на лице свое, но радости нет!

Слышны цыгане:

– К нам приехал, к нам приехал

Артаксеркс наш дорогой!

Серя, Серя, Серя,

Серя, Серя, Серя,

Серя, пей до дна!

Входит Царь, веселый, может, и пьяный:

– Ну, так какое желание твое, царица Эсфирь?

Царица:

– Обрела ли я благоволение и позитив в очах твоих, царь?!

Царь:

– Обрела! И не только, извини, в очах моих... О! Хочешь, еще полцарства?!

Эсфирь:

– Сперва дело. Если я нашла благоволение в очах твоих, царь, и если царю благоугодно, то да будут дарованы мне жизнь моя, по желанию моему.

Царь изумлен:

– Твоя жизнь?! Тебе?! Зачем?! В смысле, что за дела?!

Эсфирь:

– Проданы мы, я и народ, мой на истребление!

Царь:

– Как ты сказала?! Где тот, который отважился сделать так?!!

Эсфирь:

– Это злобный Аман!

Царь зовет:

– Аман!

Эсфирь:

– Аман хочет истребить тысячи законопослушных налогоплательщиков.

Царь:

– Не понял!

Эсфирь:

– По твоему приказу, царь, при виде начальства все должны падать на лице свое. И все падают! А многие уже не встают, говорят в сердце своем: зачем мне вставать, все равно скоро падать на лице свое. Прикинь, царь, так и лежат до новомесячий! И только иудеи не падают, потому что работают! Учти, царь, ты рубишь сук, на котором сидит седалище твое!

Появляется Аман.

Царь:

– Это правда, Аман?

Аман:

– Ты сам приказал! – Показал свиток. – Вот подпись, «Артасеркс», вот печать! А слово царское – закон!

Царь – Эсфири: – Извини! Рад бы, но закон слово мое!

Эсфирь смотрит бумагу:

– Тут подписано: Аман!

Царь берет бумагу:

– Ни черта не видят без очков глаза мои! Тем более не могу читать по-писанному!

Эсфирь показывает:

– Ну, вот, «Аман» – четыре буквы! А «Артаксеркс» – посчитай!

Царь посчитал, грозно: – Аман! Учти, я вчера погуглил насчет Каддафи и решил сделать пилотный проект: СТРАЖА! ВЗЯТЬ ЕГО!!

Чтец:

– «И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея. В тот день царь Артаксеркс отдал царице Есфири дом Амана, врага Иудеев.

Царь – Чтецу:

– Напиши от имени царя и скрепите царским перстнем!

Чтец:

– Пишу: «К сатрапам и областеначальникам ста двадцати семи областей наших! Царь позволяет иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, и в тринадцатый день месяца Адар истребить, убить и погубить всех, кто искал их погибели!»

Царь:

– Число, подпись!

Чтец:

– Вот, где птичка. И здесь!

Царь подписывает:

– Ни черта не понимаю по-писанному без очков моих, но крепко слово царское!

Чтец:

– «В двенадцатый месяц, то есть в месяц Адар, в тринадцатый день его собрались иудеи в городах своих по всем областям царя Артаксеркса, чтобы наложить руку на зложелателей своих; и никто не мог устоять пред лицом их, потому что страх пред ними напал на все народы.

И послал Мардохей письма ко всем Иудеям, чтобы дни эти были памятливы и празднуемы во все роды в каждом племени, в каждой области и в каждом городе! И чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их. И веселиться в те дни и пить до тех пор, пока не смогут отличить день от ночи, дверь от окна, и где заканчивается обрезание и начинаются трупы их!

И таки пьют!

Дочки-матери

Маленькая девочка, лет пяти, одна.

Ждет маму. Играет с куклой. Уже ночь. Ей страшно.

Посматривает на часы, говорит кукле:

– Не бойся! Мама сказала, вернется, когда на часах ма-

ленькая стрелка будет на десяти, а большая – на двенадцати! А сейчас уже еще сколько?.. Маленькая стрелка на двенадцати... а большая почти тоже на десяти!.. – Подсчитывает, рада. Ну вот, значит, мама уже едет!.. Давай быстро спать, а то мама будет обратно ругаться! Глазки закрывай... Ну, закрывай! Что, страшно?! Смотри, если глазки закрыть и быстро-быстро заснуть, так «страшно» и не успеет! Смотри, как я!

Закрывает глаза. Тут же раскрыла – страшно.

– Ой! Что-то там в ванной вроде упало... Мама пришла! Мама!.. Нет, это опять у соседей!.. – Кукле: – Давай лучше играть в «класс»! Не хочешь? Тогда играем в «Телевизор сломался»? Нет, лучше, в «Гости пришли». Только теперь меняемся: ты – это будешь я, а я – буду гости и остальные. Давай, вы как будто с мамой сидите дома в воскресенье, когда звонок в дверь. Дз-з-з! – Испугалась своего же голоса, тихо: – Короче, дз-з-з!

Говорит за маму, радостно:

– Ой, здравствуй, Аркадий!.. Аркадий, познакомься, это Света!

За Аркадия басом:

– Здравствуй, девочка.

Мама:

– Светочка, это – дядя Аркадий. Он будет с нами жить. Он будет твой папа! Папа Аркадий!

Аркадий басом:

– Вот, Светочка, это тебе!

Мама:

– Света, что надо сказать, ну?!

Света тихо:

– А где папа Сережа?!

Мама выкручивается:

– Не обращай внимания, Аркадий. Это у нас... квартирант жил... такой жмот. А ребенок есть ребенок. Иди, Светочка, поиграй с... с... Поиграй, тебе говорят! – Меняет интонацию. – Кто тебя за язык дергает?! Сколько раз тебе говорить, дрянь: молчи! – Передразнивает: – Папа Сережа! Папа Костя!.. Сколько раз, говори?!

Света:

– А сколько у меня будет папов?

Мама:

– Э-э, мама же для тебя старается!.. Ты ведь хочешь маме счастья!

Света искренне:

– Конечно! Конечно, хочу!

Мама:

– Тогда поживи у бабушки!

Света испуганно:

– Зачем?!

Мама:

– Ну-у... маме нужно устраивать личную жизнь.

Света:

– Без меня?!

Мама:

– Ну... нам нужно с дядей Аркадием притереться... Мы тебе будем мешать!

Света:

– Нет, притирайтесь, сколько угодно! Вы мне ничуть не помешаете!

Мама:

– Она еще издевается! Завтра же поедешь к бабушке!

Света плачет:

– Не хочу, не хочу к бабушке! Бабушки хорошие только в сказках, они говорят: внученька, хочешь пирожок, хочешь молочка?! А эта только проснется, сразу ищет: где мои зубы?!

Плачет за куклу и за себя, успокаивает куклу:

– Ладно, не будем в гости!.. – Смотрит на часы, говорит по-взрослому: – Ой, это часы какие-то неисправимые! Надо срочно вызвать слесаря!.. – Кукле: – Ну, не поедем, не поедем к бабушке! Лучше, наоборот, будем играть в «Мама вернулась»! Вроде бы я мама, уже вернулась. А ты – это я, Света, вроде на нее сердисься! Ну, понарошку сердисься, а сама рада! Смотри, вот я пришла, нарядная, хорошо пахну, иду на цыпочках...

Изображает непутевую маму, кукла обиженно отвернулась.

Мама выпила:

– О, а ты не спишь?!.. А сколько сейчас? – Смотрит на часы. – Ох ты, елки!.. Ой, где я была!.. Он такой – блондин!.. Все в зеркалах!.. Светочка, ну, ты же моя лучшая подружка!.. А что, страшно было одной?! Ничего и не страшно! Ты уже вот какая большая!.. Ну, побей, побей свою мамку!.. А какой культурный – все ручки исцеловал, вот, даже опухли!.. Женат, скотина, я в паспорт глянула, пока он... Но настоящий мачо, только блондин!.. Блондинистый мачо! Я, правда, сама соврала, что я – студентка... Ой, чего я студентка-то? Ладно, может, он тоже забыл... Ну, ты же на меня не сердишься? Скажи «не сержусь»! Ну, скажи... Не-сер-жусь! Вот умничка!.. О, будет звонить, скажешь, что ты моя... Что я – твоя теща... Тьфу, тетя из... Не позвонит, скотина!.. Ну и... не сильно и хотелось! О, а ты плакала?! Ну, побей, побей свою глупую мамку... Дура я, дура! Зачем я послушала Людмилку, никуда бы он не делся!.. – Заводится. – А ты почему до сих пор не в постели?! Что, страшно?! Могу я для себя пожить?! Могу, говори?! Ты же меня первая бросишь в старости. Что, нет?! Никому верить нельзя!.. – Начинает плакать пьяными слезами.

Света горячо:

– Нет, я тебя никогда не брошу! Ни за что! Когда я вырасту и стану большая, я сделаю так, что у каждого жизнь будет такая... такая личная-личная, личная-преличная! И по справедливости: а то у меня много папов, а у Павлика ни одного! А плохие бабушки умрут, а хорошие народятся, и не

надо будет врать, что ты приехала из Ростова-на-Дону! А ты будешь старенькая, но все равно самая лучшая! Потому что ты – мама!.. Ну, спи, глазки закрывай...

Закрывай, не бойся, пока я тут – «страшно» не придет!

«Дорогой Лазарь Моисеевич»

Спасибо, Ежов, что тревогу будя,
На страже стоишь ты страны и Вождя!
Песня про наркома

Сырая городская весна, поздние сумерки; машины рассекают грязные апрельские лужи; резко проскрипев и уронив на повороте пригоршню ярких искр, побежал дальше освещенный трамвай с отсыревшими пассажирами в середине.

Холодно.

Но это холодно на улице, а в Мотиной комнате хорошо; большой круглый стол под тяжелой зеленой скатертью, теплый свет настольной лампы, старое зеркало на стене, рядом худой длинный фикус в кадке. Каждую субботу Мотя становится на табурет и протирает ему листья влажной тряпочкой – это его личная домашняя обязанность. Листья у фикуса большие и жесткие, зато их гораздо меньше, чем на китайской розе, за которой ухаживает его сестра Лида.

Вечер. Сегодня маленький Мотя учит стихотворение к праздничному утреннику. Он горд, что читать выбрали

именно его, потому что он лучше всех третъеклассников умеет говорить букву «р»; очень хорошо выговаривает, просто великолепно! Плюс Мотю недавно приняли в пионеры и вот доверили читать на утреннике «Песню про наркома». Это так называется, песня, а на самом деле это такое длинное стихотворение, и Мотя будет его завтра читать перед всей школой.

Мотя ходит по комнате с раскрытой книжкой и повторяет текст, стараясь нажимать на «р»:

В свер-ркании молний ты стал нам знаком,
Ежов зор-ркоглазый, железный нар-рком...

Собственно, стихотворение он давно выучил, а теперь повторяет, чтоб, как велел пионервожатый Костя, отскакивало от зубов! Мотю это выражение сильно смешило; он смотрел в зеркало и представлял, как это стихотворение может отскакивать от зубов, которых у него, честно говоря, сейчас негусто: некоторые вырваны бабушкой с помощью нитки и странных слов: мышка, мышка, на тебе костяной – дай железный!

Нитку привязывали к ручке двери, и кто-то внезапно дергал...

Сейчас Мотя про зубы не вспоминает, а наоборот, негромко декламирует, изредка подглядывая в книжку:

...Великого Ленина мудрое слово...

Взр-растило на подвиг нарркома Ежова...

От окна к двери как раз получается две строчки, если маленькими шагами. Как раз Мотиными. Затем снова от двери к окну:

...Великого Сталина пламенный зов ...

Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов!

Мотя дошел до высокого подоконника, привстал на цыпочки. Внизу в освещенном дворе дядя Гарик Петрович запирает свой сарай на замок – он ходил туда за дровами. Мотя провожает взглядом тощую фигуру дяди Гарика и поворачивает назад к двери. Дверь неплотно прикрыта, но туда сейчас нельзя – там работает папа. А мама сегодня на дежурстве в больнице. Мотя увидит ее только завтра. Она отгладила красный галстук; вон он свисает со спинки кровати. Еще в комнате слышны приглушенные невнятные звуки – это на кухне бормочет недовыключенная тарелка репродуктора.

Моте весело. Он с удовольствием повторяет: «Воспр-ри-нял всем сер-рдцем, всей кр-ровью...» Никогда еще он не учил стихотворение, где было бы столько замечательной буквы «р». Это вам не «ласточка с весной в сени к нам летит», думает Мотя, это вам летит железный нарком – бер-регись!

Правда, в самом стихотворении Моте много чего непо-

нятно. Например, как это «услышал всем сердцем...»? Разве у сердца бывают уши? – конечно, нет! Или «всей кровью»? Он даже спрашивал у папы насчет ушей. В ответ папа посмотрел в книгу, спросил, это вам такое задают? Когда узнал про утренник, почему-то нахмурился и велел не приставать с глупостями! Можно было бы спросить у бабушки, она тоже участвовала в гражданской войне, но она теперь живет у тети Раи с собакой... Или вот еще: что такое, «зоркоглазый»? Мотю на этом слове буквально заклинило. Ему понятен «желтоглазый» – это как глаза у кошки Цили. Или «зеркалоглазый» – значит, у наркома глаза, как зеркала, он там видит всех наших врагов... Мотя подходит к зеркалу, видит в нем стол с лампой, большой диван, кошку Цилю на диване. Если ее потрогать, она сразу поднимает круглую голову и начинает громко мурлыкать; мама называет ее за это музыкальной шкатулкой. Если бы Циля была человеком, думает Мотя, у нее тоже хорошо получалось бы «р», не хуже, чем у меня. Но Циля спит, уткнув нос в согнутую лапу. За столом под лампой старшая сестра Лида учит химию. Мотя подходит, заглядывает к ней в учебник. В учебнике ничего интересного, какие-то линии и формулы с черточками. Бедные семиклассники, думает Мотя и спрашивает Лиду насчет зоркоглазия. Серьезная Лида ставит указательный палец на страницу, чтобы заметить, где остановилась, добросовестно объясняет Моте про стопроцентное зрение, дальnozоркость; вспомнила даже про выпукло-вогнутые линзы, которые они

недавно проходили по физике. Прямо как мама; она на нее и похожа, точно так же шуруется, когда волнуется или сердится. «Понял?» – спрашивает Лида маминым голосом и возвращается к своему пальцу. Мотя мотает головой: про очки понял, а про зоркоглазие – нет. Лида начинает сердито шуриться. «Вспомни, – говорит она, – как в „Последнем из могокан“! Представь, что нарком Ежов – это индеец, его зовут Зоркий Глаз, поэтому он такой зоркоглазый! В смысле, наоборот, – спохватилась она, подумав. – Он далеко видит, поэтому у него зоркие глаза, и все индейцы прозвали его Зоркоглазый Глаз... в смысле...» Тут Лида совсем запутывается, даже палец со страницы убрала, а у самой эти глаза стали как щелки... «Сама не знаешь, а сама на меня громко говоришь, – укоряет ее Мотя, – дылда несчастная!» Лида облегченно обижается на «дылду», поправляет косу и углубляется в давление газов в пробирках. Через минуту снова упирает палец в строчку и говорит в спину шагающему Моте: «Смотри, не ляпни завтра „желтоглазый нарком“, бестолочь!»

Мотя сердито сопит.

Из комнаты, где работает папа, слышен вкрадчивый бой старых коричневых часов – девять раз. Но мамы нет, и сегодня можно лечь попозже. Вот и Лидка с облегчением закрыла «химию» и давай что-то записывать в толстую тетрадь, прикрываясь рукой. Как будто Мотя не знает, что у нее там дневник со стихами и она его прячет. Из-за этого дневника он имел сильную неприятность. Его просто разрывало от

любопытства, что там Лидка прячет. Он его тайком достал и давай читать. Там была всякая ерунда про любовь и дружбу, а еще стихи про «твои ландыши пахнут ладонями», в смысле наоборот; короче, всякая чушь. За этим чтением его застал папа. Узнав, что это за тетрадь, добрый, обычно молчаливый папа неожиданно покраснел, заволновался, громко заговорил-закричал: «Как ты мог!.. Это же низко!.. Это неблагородно! Подло, наконец!» И другие слова говорил папа, задыхающимся от гнева голосом. От такого внезапного поворота у Моти было ощущение, что в голове у него вспыхнула, а после лопнула электролампочка и больно дрожит. Потом папа остыл, извинился, сказал тихо, но очень твердо: «Запомни! Никогда не читай чужое, никогда! Ибо так поступают только плебеи!» И хлопнул дверью, даже тетрадь не забрал. Эти непонятные плебеи Мотю буквально добибли; он не хотел быть плебеем, которых представлял в виде липкой сырости с наглым выпуклым взглядом.

С тех он пор даже в чужую школьную тетрадь, если заглянет, тут же отдергивает глаза, сами отдергиваются.

Чтобы не расстраиваться воспоминаниями, Мотя начинает думать, есть ли у наркома Ежова конь и как его зовут. Конечно, думает он, есть! Громадный конь-огонь, и зовут его как-нибудь сильно и обязательно на «р»! Во всяком случае, не «Катька» какая-нибудь. Катькой зовут единственную знакомую Мотину лошадь. В их двор выходит рабочий вход магазина «Продукты». Эти продукты подвозит на платформе

возчик Сергей. На его платформе сзади прикреплена жестяная табличка. На таких табличках пишут кличку лошади. У Сергия на табличке написано «конь Катька».

«Катька» написано от руки и по закрашенному.

Когда засияли октябрьские зори,
Дворец штурмовал он с отвагой во взоре...

Мотя с удовольствием повторяет: «...ктябрьские зори». Он любит стихотворение, любит завтрашний утренник, где все услышат, кто лучше говорит «р», он, Мотя, или толстая ехидна Кончакова! Еще он любит наркома Ежова – вот тот на фотографии в книге с отвагой во взоре и подписано «Нарком Николай Ежов». И вообще, Мотя любит всех наркомов, бабушка научила; их большие портреты всегда вывешивают на праздники. А один портрет даже висел у них в доме между окном и зеркалом. Бабушка показывала на него и говорила: «Запомни, Матвей, это наш нарком, он нас в обиду не даст!» А папа почему-то сердился и уходил к себе, хлопнув дверью. Потом они с бабушкой поссорились, и бабушка забрала портрет к тете Рае.

Ночью Моте снился утренник. Утренник был почему-то похож на длинный пустынный город; по сторонам одичавших улиц росли огромные недостроенные дома, а вместо окон у них был холодный ветер с песком. Мотя прячется, потому что боится Желтоглазого, но тут кто-то вроде гово-

рит, что, если посветить на Желтоглазого трехцветным фонариком, ветер сразу стихнет и будет лето. Мотя облегченно радуется, но потом вспоминает, что фонарика-то у него нет! Что папа еще только обещал его подарить, когда он исправит все четверки. А четверки начинают бегать вдали, их становится все больше, и их никогда никому не исправить...

Потом снилось еще что-то, но Мотя того не запомнил.

И было утро, и был утренник.

Мотя стоит за кулисами, у него второй выход. На нем – белая рубашка, яркий галстук, и он ужасно волнуется. От этого волнения слова «песни» тоже начинают прыгать и разбегаться. «В сверкании самом ты стал нам знаком, – шепчет Мотя, – нет, молний! Ты стал нам знаком, Ежов желто... зоркоглазый! железный нарком...» За кулисами стоит обычная концертная чехарда. В начале утренника, сразу после торжественной линейки на сцену вышел хор старшеклассников. Дора Львовна, учительница пения, ударила по клавишам черного в подтеках рояля. Гордость школы, десятиклассник Макеев по кличке Тупой Дьякон, торжественно загудел:

От края до края по горным вершинам,
Где гордый орел совершает полет...

В этом месте Дора Львовна махнула свободной рукой,

вступил хор:

О Сталине му-удром, родном и любви-имом
Прекрасную песню слагает народ!

Дора Львовна колотит по клавишам, тупой Макеев гудит, хор тоже старается, особенно девочки. Сам Сталин находится тут же – на заднике сцены стоит огромный его портрет у кремлевского стола с курительной трубкой в руке. Сталин строго наклонил голову, словно прислушиваясь к хору, а сам, наверное, думает: достаточно ли хорошо они произносят букву «р»; не напрасно ли он, Сталин, не спит ночами и думает о них – нашей подрастающей смене? Не подведут ли, если завтра война, значит, завтра в поход?! Так думает Мотя, поглядывая на великого Сталина. Он уже почти успокоился и знает, что Сталин несколько не строг, разве что для врага, а если на него долго смотреть, он начинает улыбаться мудрой сталинской улыбкой. Когда в прошлом году портрет установили, они с Сережей Погосским нарочно бегали в зал, поднимались на полутемную сцену и долго, со сладостным ужасом смотрели в лицо Вождя, пока лицо не начинало шевелиться. Сначала двигались усы, потом рот под усами, потом жмурились глаза... «Начинает, видишь, – толкал Сережа застывшего Мотю, – вот уже начал!» – «Вижу», – шептал Мотя. Они какое-то время неподвижно глядели на оживающий портрет, затем с ужасом бросались назад, чувствуя хо-

лод в спине.

Топот их ботинок громко повторял пустой гулкой зал.

Но сейчас кругом школьники и шумно, и Мотя думает, правильно жмуришься, товарищ Сталин, – какая про тебя прекрасная песня, сплошное «р»! А сейчас ты услышишь стихи про твоего железного наркома.

Тупой Макеев, наверное, тоже чувствует спиной сталинский взгляд, гудит страшным басом, вот-вот лопнет! Но, вопреки многим пожеланиям, он не лопнул, а буквально малиновый догудел песню до конца. Ему хлопали изо всех сил, ну и хору, конечно, тоже. Дора Львовна собрала ноты и, хромя на короткую ногу, ушла в кулису.

Ведущие Вадик и Света объявили: «А сейчас праздничное стихотворение прочитает Бройде Матвей, третий „б“ класс!»

Маленький Мотя выходит на ярко освещенную сцену, повторяя про себя «зоркоглазый... золко... желт... желтоглазый... зор-ркоглазый». Свет в зале не выключен, вся школа смотрит на него и его галстук; учителя, актив, сам директор Вениамин Ильич в белом кителе. Свои из третьего «б» шумят в конце зала, показывают оттуда, мол, давай, Мотька, дуй, мы с тобой!

Мотя смотрит в кулису, где разминаются пятиклассники, – следующим номером будет пирамида. Давай, командует ему оттуда вожатый Костя.

«Песня про Наркома», – хорошо начал Мотя, не забыв на-

жать на «р» и удивляясь, как много можно подумать сразу! Объявляя «Песню», он успел одновременно подумать, что его друг Сережа опять сидит рядом с Зинкой Бакст; что он, Мотя, замечательно сказал «пр-ро нар-ркома»; что не забыть сказать «зор-ркоглазый», а не «желтоглазый»; что на большой люстре наконец укрепили новую центральную чашку вместо битой, отчего внутри люстры видны были провода и черные патроны, а теперь не видны...

– В свер-ркании молний ты стал нам знаком, – опять хорошо начинает Мотя; он набирает воздух, для следующей строчки, но в последний момент замечает в зале Лиду, сби-вается и звонко заканчивает:

– Ежов желтоглазый, железный нарком...

Ему бы дуть дальше, все равно никто не слышал, но тут он увидел, как старшая вожатая наклонилась, явно переспрашивая у завуча Людмилы Васильевны. Мотя помертвел. «Ой, не желтоглазый, не желтоглазый! – громко и искренне сказал он. – А как этот... как индеец!.. то есть как этот...»

Тут Мотя вовсе запутался, заплакал и убежал...

В зале слышались редкие сочувственные хлопки. Вышли бледные ведущие, объявили: «Музыкально-физкультурная постановка „Всходи, заря пионерская!“». Снова загремел рояль, мимо Моти на сцену пробежали пятиклассники, на ходу заправляя майки в длинные синие трусы.

Начиналась пирамида.

Домой Мотя пришел поздно. Возвращался кружным путем, через железную дорогу. На небе светило неяркое весеннее солнце, было почти тепло. Мотя расстегнул пальто, а шапку нес в руке. Он боялся, что тут же при всех с него снимут красный галстук, но галстук почему-то не сняли. «Это хорошо», – думал Мотя, бродя вокруг знакомого паровоза. Паровоз одиноко стоял в тупике, тихий и печальный, совсем как Катька, когда грузчики сгружают с платформы ящики, а она думает о чем-то своем лошадином, понуря голову и поджав заднюю ногу. Большие ведущие колеса на паровозе были когда-то ярко-красными, но теперь краска облупилась, из-под нее выглядывали лохмотья рыжей ржавчины. Приятно пахло землей, нагретыми шпалами и этой самой ржавчиной.

Дома, конечно, уже все знали, – Лидка доложила. Папа хотел что-то сказать, но мама остановила, сказала: «Прекрати, Леня, это же ребенок!» И отправила Мотю мыть руки.

В понедельник Мотю вызвали к директору и долго спрашивали, кто научил его назвать товарища Ежова «желтоглазым индейцем». Он честно хотел сказать про Лиду, но запутался под внимательным взглядом дяденьки, который молча сидел рядом с бледным директором и при упоминании Лиды начал что-то быстро записывать. Потом на работе вызывали Мотиного папу, потом в больнице вызвали Мотину маму.

Мама вернулась тихая и бледная.

В доме было все как обычно; репродуктор на кухне рас-

сказывал про сев яровых на колхозных полях, потом играл «Лебединое озеро», потом рассказывал новости или частушки. Но Мотя чувствовал, что произошло что-то непосильное и все из-за него. Он старался совсем не попадаться на глаза, брал с собой Цию и прятался под большим столом, под скатертью. Ему хотелось что-то сделать, например, стать невидимкой или умереть, в смысле сильно заболеть, чтобы родители снова сидели у его кровати, а он вдруг возьмет и выздоровеет, и они сразу заулыбаются, и они вместе пойдут на демонстрацию – как раз будет Первое мая, после сразу лето. Но папа с мамой не улыбались, а наоборот, разговаривали мало, вполголоса. При появлении Моти или Лиды замолкали. Эти недомолвки пугали Мотю сильнее всего. «Лучше бы вы меня ругали, – думал он, – или кричали, или даже лупили электрошнуром, как тетя Ганя своего Мишку». Но родители обменивались короткими напряженными фразами; папа нервничал, говорил бабушке: «Мирра Борисовна, о чем вы говорите?! Или вы читаете другие газеты?!» Бабушка говорила мамиными словами: «Успокойся, Леня, они же понимают, что это же ребенок!» – «Да, естественно! – волновалась мама. – Это же ребенок!»

Они так часто говорили «это же ребенок», что Моте слышалось, это – жеребенок! Он представлял себя жеребенком с подстриженным хвостом и короткой гривкой. Такой жеребенок в прошлом году бегал за платформой возчика Сергия. Мотя очень хотел с ним подружиться, но стеснялся, потому

что не знал, как его зовут, а спросить у возчика Сергия боялся. Жеребенок бежал за платформой, а его мама, конь Катя, тревожно оглядывалась и ржала, наверное, говорила полошадиному, чтобы он смотрел под ноги или не попал под трамвай. А возчик Сергей хлопал Катю по спине вожжами и хрипел: «Н-но, оглядывайся!»

Потом жеребенок перестал бегать, потому что куда-то исчез. И Мотя очень переживал, что так и не узнал, как его зовут.

И переживает до сих пор.

В четверг Мотя лег спать не раздеваясь. Накрылся с головой и напряженно оттуда прислушивался – ждал, когда все уснут. Ждать пришлось долго, Мотя сам несколько раз начинал засыпать, но вздрагивал и щипал себя за колени; а из комнаты родителей все доносились приглушенные голоса. Потом голоса смолкли, полоска света под дверью погасла. Мотя погодил еще немного, осторожно поднялся, взял кошку Цилю и пошел на кухню. Там он положил Цилю рядом на стул, развернул не начатую тетрадь в косую линейку, вытер тряпочкой чернильницу, вставил новое перо, которое берег неизвестно для чего, а оказалось, вот для чего... Было полночному тихо; над головой стучали ходики, под раковиной что-то негромко шелестело. От этого очень хотелось спать. Но Мотя сказал себе: «Нет!» – и начал писать, но в это время за окном что-то резко стукнуло и завозило. Он глянул и помертвел – с улицы на него тяжело смотрели маленькие сы-

рые плебеи; они совещались, как открыть окно, чтобы вытащить Мотю к себе. Вот они построились в пирамиду, подталкивая верхнего к форточке; он медленно лезет туда, оставляя на стекле мутный след. Вот он уже возле самой форточки, форточка начинает медленно со скрежетом открываться. Мотя кинулся бежать – и проснулся. В кухне по-прежнему было тихо и пусто; с улицы доносился удаляющийся скрип последнего трамвая. Мотя потряс головой и толкнул Цилю. Циля раскрыла один глаз и мирно замурлыкала. Мотя осторожно покосился на черное ночное окно. Ночью снова подморозило, пошел снег, у окна реяли большие снежинки. Они подлетали к стеклу, большие и холодные, на миг задерживались и резко брали вправо или вниз, исчезая в темноте навсегда. «И совсем не страшно», – сказал себе Мотя, с трудом оторвав взгляд от снежинок. Он разгладил лист ладонью, обмакнул перо в чернила и стал прицеливаться, где поставить первую букву. Он долго целится, но никак не решится. Тем более что ему нужно так много рассказать! Что он это совсем не нарочно, и что папа с мамой его ничему такому не учили, даже странно! А еще про бабушку и тетю Раю-инвалида; и что Сережа Погосский от него пересел к Эдке, так это его родители заставили, Сережа сам ему, Моте, сказал, а сам тайком подарил ему карандаш со стиркой. Что у него, у Моти, всего две четверки за четверть, но легкие, одна по физкультуре и одна по чистописанию; он их обязательно исправит – папа обещал ему за это сигнальный фонарик. А еще

они всем классом снова собираются летом поехать на пароходе по Волге, а лето все не наступает... Тихо. Стучат ходики. Рядом Циля поет свою однотонную убаюкивающую песню, состоящую из сплошной буквы «р»: тр-р-р-р – тр-р-р-р; тр-р-р-р – тр-р-р-р... Мотя видит большую реку Волгу; по Волге плывет белый пароход с нарядной трубой; а на высоком берегу стоит город без окон, и это совсем не страшно, потому что город совсем пуст, и кто будет смотреть в эти окна – конечно, никто. Но, оказывается, там кто-то есть и много: вот промелькнуло что-то сырое с длинными глазами. Мотя хочет испугаться, но чувствует рядом с собой что-то большое и надежное. Оказывается, это конь Катька. Катька удивительно похожа на маму и говорит маминым же голосом: «Не бойся, это жеребенок!» Мотя и не боится, потому что уже тепло и лето; а еще он радуется, что наконец узнал, как зовут жеребенка. Жеребенка зовут Мотька; он уже вырос, скачет, летит стрелой вдоль пустой улицы: «Мама, мама, смотри, как я умею!» А мама – такая смешная – смотрит на него тревожными глазами и тихо кричит: «Осторожней, сынок, там может быть раскрытый люк...»

В кухне тихо, в окно бьется и негромко шуршит запоздалая метель, стучат ходики, Циля мурлычет свою песню: тр-р-р – тр-р-р-р, тр-р-р-р – тр-р-р-р-р. Она делает это все реже и реже, все с большими паузами: тр-р-р... тр-р... тр-р-р.

Вот замолкла совсем.

Крайний случай

Часть первая, рассказанная автором

У автора есть хорошая знакомая Людмила Григорьевна Сосновская, дочь своего папы. И, естественно, мамы. Она работает в районной больнице, и она же мать всех детей в округе. Она удивительный человек, и автор гордится дружбой с ней. А еще любит слушать, как она рассказывает про свои медицинские приключения. Из них можно было бы составить занимательнейшую книгу.

Принесли в реанимацию человека в белой горячке, буйного. Привязали к кровати, обтыкали капельницами. Успокоился. А я на дежурстве. Только задремала, когда вбегает реанимационная сестра, кричит: «Людмила Григорьевна, ой! И убегает!» Я первым делом смотрю – три часа ночи! Думаю, ты не могла, дрянь, хоть бы в полчетвертого ойкнуть! А сама уже бегу в реанимацию и что там вижу?! Этот гад порвал привязки, стоит посреди палаты страшный, иголки из рук торчат, из носа трубка, голый и почему-то черный! Думаю, ну не сволочь ты, не мог еще часик полежать, не знаешь, у меня какой день был! Так разозлилась! А он стоит, глаза красные, и не моргает, главное. Но эти-то глаза меня и спасли. Я вспомнила, что такие глаза бывают у быков, и еще вспомнила, как наш зоотехник дядя Коля совал быку два пальца в ноздри и валил его на землю. Я это все вспо-

минаю, а сама к нему иду, а страшно, плюс у меня девки за спиной натурально верещат. И вот я иду к этому эфиопу от другого слова, приговариваю, как дядя Коля: «Тихо, тихо, тихо», – потом ему пальцы в нос да как дерну! Со страхом дергала, думала, нос ему оторву. Ничего, лег, как лист! «Вяжите, – говорю, – крепче, лентяйки, а я пойду досплю...»

Надо сказать, что сама Людмила Григорьевна ростом полтора метра вместе с прической....

Продолжение первого рассказа, рассказанного автором

Когда у человека много бабушек, это нужно перетерпеть.

Когда у многих бабушек один внук – это еще хуже. Говорят, что даже самые твердые из них – руководители взрывных работ или судебные приставы – при виде своего эксклюзивного внука превращаются в сироп и пастилу, чем окончательно добивают подрастающее поколение.

Итак, однажды бабушка Людмила оставила своего родного внука Костю в деревне на попечение своей же родной матери. То есть она подкинула прабабушке ее правнука и отчалила. Надо сказать, что Людина мама отнюдь не тянула на прабабушку, и не столько числом лет, сколько живостью характера. Зная это и зная бойкий нрав внука Костика, баба Люда приказала прабабушке Лене: «Мама, смотри мне!» Сказав эти веские слова и помахав для убедительности пальчиком, она уехала в город заниматься своим ремеслом

– резать живых людей в хирургическом отделении районной больницы.

Что же касается родных родителей этого внука-правнука, то где они были в тот момент, куда их задуло ветром молодости, не важно, к делу не относится.

Получив приказание «смотреть» прабабушка Лена постирала занавески на окнах, подкинула кроликам овса, завязала свежую косынку и приступила к возложенным обязанностям. То есть достала из буфета колоду карт и начала учить внука в «дурака». В результате ровно через три дня ребенок перестал спрашивать про компьютер, еще через день первый раз попытался побить бабушкиного туза ординарной девяткой. Будучи уличенным, долго удивлялся, задумчиво приговаривая: «Надо же, это плослый лаз козыли были целви, а я думал – сейчас!» При этом прабабушка Лена регулярно звонила дочери – бабушке, докладывала о состоянии внука, их общем самочувствии и о погоде на завтра. Звонила она по вдохновению: утром, когда у внука шатался зуб, вечером, когда зуб не шатался, ибо его вырвали ниткой, привязанной к ручке двери; когда у него болел живот, когда живот, слава богу, болел слабже, ибо внук полез на чердак, откуда и свалился с лестницы. И все в таком духе. А могла и просто позвонить под утро, когда им с правнуком по-стариковски не спалось. Бабушка Людмила радовалась их общим успехам, а если, допустим, у внука болело ухо или он ухватился за горячий утюг, она давала квалифицированные врачебные со-

веты почаще его пороть, но все же просила маму-прабабушку не звонить ей с 9 до 14, просто умоляла. «Мама, – кричала она в трубку глуховатой прабабушке, – мама, ты в это время мне не звони, я на операции! Мама, я как сапер – мне нельзя ошибаться, будешь мне носить передачи!» – «Чего?! – кричала в ответ прабабушка Лена. – Константин, на, послушай, что там твоя бабушка такое кричит, что трубку взять стыдно!» Внук солидно брал трубку и солидно переводил прабабушке Лене.

– Бабушка Лена, – говорил он, пытаюсь незаметно сбросить в отбой лишние карты, – бабушка Люда говолит, цтобы ты утлом ей не звонила! Она на опелации, только в клайнем случае, а то она мозет зарезать!

– Мама, повтори! – кричала бабушка Люда.

– Повторяю, дочка! – кричала в ответ прабабушка Лена. – Не кричи на мать! А звонить я тебе не буду с девяти до четырнадцати, даже если попросишь в письменном виде! А если звонить, то только в самом крайнем случае, чего ты не дождешься! Вешаю трубку, мы с Константином сейчас будем бить «носики», он мне должен!

Часть вторая рассказа, рассказанная бабушкой Людой

Стою я как-то утром на операции. Лето, в голове то ли давление, то ли она гудит после вчерашней посиделки у Перцовых. Плюс эта дура-сестра все время путает инструменты!

Я спрашиваю: «Галя, может, ты беременная, может, у тебя токсикоз, так скажи, он на тебе сегодня же женится, прямо в обеденный перерыв, если ты, конечно, помнишь, от кого именно. И не мажь так ресницы! У тебя сквозь них уже свет в голову не проходит!..» Короче, идет плановая операция. Тут вбегает еще одна дура: «Людмила Григорьевна, вас к телефону!» Я сдержанно говорю: «Нина, *меня нет* к телефону! Сколько раз говорить?! А то я тебе *так скажу*, что больной очнется, и с нас опять снимут премию за квартал!» Нина говорит: «Людмила Григорьевна, это ваша мама, сказала – крайний случай!»

Тут у меня, конечно, все из рук падает; иду к телефону, говорю: «Нина, трубку!» Она приставляет мне к уху трубку, я говорю: «Не тем концом, дура!» хотя мне уже все равно! Мирно говорю в трубку: «Здравствуй, мама, слушаю». А сама уже простилась с Костиком, с жизнью, с будущей пенсией... Слышу в трубке голос родной матери: «Людочка, ты только не волнуйся, со мной все в порядке!» Я сдержанно говорю: «Слышу, мама, где Костик?» Она кричит: «Какой Костик?.. А, это Константин, его уже нету!» Чувствую, сзади подставляют стул, я аккуратно падаю. А эта, извиняюсь, старая... прабабушка кричит: «Людочка, ты, главное, не бери к сердцу! А то вы там на операции кого-нибудь еще зарежете, а виновата обратно буду я, тебе мало неприятностей!» Я так внимательно держу перед лицом свои руки в перчатках, думаю, вот никогда в жизни и не сносила длинных ногтей,

молодость не в счет; говорю: «Мама, что с Костиком!» Она кричит: «В смысле с Константином? Так я и говорю, его уже увезли!..» Я думаю, так и молодости той было – еще короче, чем юбка, в которой я всю ее пробежала, интересно, где она сейчас. И другие подобные мысли плавают в голове, одна глупее другой... Слышу, как сквозь подушку, мать кричит: «Людмила, ты меня там слушаешь или где?!» Я говорю: «Конечно, мама, это у меня трубка с уха сползла; Нина, ты можешь держать трубку возле уха как следует!» А зачем ей трубку держать, когда эта прабабушка так кричит, что слышат весь оперблок и второй этаж, не считая первый и улицу! Короче, вся больница, слышит, что «...приехали сватья, забрали Константина к себе, даже не спрося, отыгрался он за субботу или нет, кто же так делает, никто так не делает, а еще военный, ты меня слышишь?!» – Говорю: «Слышу, мама, продолжай». Она кричит: «Так тогда „дакай“ время от времени!» Я говорю: «Да, мама». А до самой постепенно доходит, что никого не утопило колодцем, не убило деревом, не съело лошадь, не поразило молнией, не... и вообще, надо пойти в парикмахерскую, выгнать всех, сказать: «Девки, как хотите, но чтобы через два часа я была красивая, как сами придумайте кто!» Говорю: «Нина, что ты мне вставила трубку в ухо по локоть, вынь! – Поднимаюсь, говорю: – Мама, все?!» Она кричит: «Тебе что, мало?!» Я говорю: «Мама, я же тебя просила: в самом крайнем случае!» Она кричит: «Ой! Я же совсем забыла, чего тебе звоню!» Я опять са-

жусь: «Мама, что еще?!.» – «Людочка, не волнуйся, но крайний случай: мы тут с Иваном Михайловичем, ну, который за меня сватается, мы самогонку выгнали, он и я! Так он, слышишь, спорит, что у него на втором выходе самогон крепче! Так я, Людочка, чего тебе сейчас звоню: ты случайно не помнишь, куда я засунула спиртометр?!»

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух!
И опыт – сын ошибок трудных...

Да мало ли что делает нам эту жизнь такой сверкающей до слез!

Мозговой штурм времен нашей молодости

Итак, художественная мастерская. Вечер. Мои друзья Давид и О. С. Кулайчук трудятся над серией с/х плакатов по технике безопасности. Время поджигает, они трудятся истово, в мастерской и ночуют. Малолетние Давидовы дети уже называют «папа» все, что движется, вплоть до соседских «Жигулей», а при редком появлении настоящего отца пугаются и ужасно писаются по ночам.

Их папа уже тоже ничего не соображает.

Сегодня они изготавливают плакат по технике безопасности при уборке сахарной свеклы. Тема: «Не подставляй ничего

под движущиеся части комбайна».

Давид пытается задавать тон, мол, знаком с сахарной свеклой не понаслышке. Хоть столкнулся с ней лишь однажды и то в лице свекольного самогона. После чего ко всему, созревающему не на дереве, испытывает глухую неприязнь. Кулайчук строит контры, патриотично упирая, что свекла – это наш северный ананас, и это надо понимать и пропагандировать среди умственно малосемейных!

Этот тезис он распространяет и на хмурого Давида.

В мастерской накурено и нервно, пол усеян рваной бумагой, кажется, только что тут был неудачный обыск. Авторы перепачканы краской, находятся на грани потери рассудка.

Давид нервно:

– Давай вернемся к моему первому варианту! Кстати, где он?.. Ага, смотри: вот комбайн, это – водитель. Он высунулся: что-то там случилось?! А сзади стоит человек, протягивает водителю отрезанную ногу, в глазах укор! Подпись «Не подставляй!» – просто и доходчиво!

Кулайчук кричит:

– Но почему ногу?! Почему именно ногу, что за привязанность к штампам!

Давид нервно:

– А что ему протягивать, хлеб-соль?! Или воздушный поцелуй, говори!

Кулайчук кричит:

– Ну, пусть протягивает отрезанную голову, в конце кон-

цов, с немим укором! Смотри!

Кулайчук сердито набрасывает на бумаге одинокую голову с флюсом и добавляет:

– Голова впечатлит даже самого нерасторопного!

Наступает время изумиться Давиду:

– Где тут немой укор, покажи мне!

Кулайчук на минуту задумывается.

– И не надо, – кричит он, – не надо голову! Но нога – это нафталин! Мировая художественная элита давно отказалась от отрезанных конечностей и ногтей. Возьми Ван Гога!.. «Автопортрет с отрезанной ногой» – современники сказали бы: «Ха-ха-ха! Не одалживайте Ван Гогу денег, он окончательно чокнулся!»

Давид с угрозой:

– Ты хочешь сказать, Ван Гогу отрезало ухо комбайном, так?!

Кулайчук упрямо:

– Не настаиваю!.. Но при определенном стечении обстоятельств, почему бы нет?!

Давид с большей угрозой:

– Каких еще обстоятельств, каких именно, говори!

Кулайчук видит, что зарпортовался, но остановиться ему не позволяет молодость.

Кулайчук кричит:

– Таких! Например, при победе социалистического способа земледелия в современной ему Голландии, не переби-

вай! Вспомни знаменитые «Подсолнухи»! Представь: полдень, Ван Гог тихо рисует подсолнухи; тут начинает действовать принятый утром абсент. Ван Гог тихо ложится в борозду, не перебивай!.. В это время движется комбайн под управлением какого-нибудь Ван Гуттена, на которого начинает действовать аперитив, который не прекращает на него действовать уже тридцать лет, не просыхая!.. Я тебя не перебивал?! И вот они встретились: человек и движущиеся части! И в результате вместо одной гениальной картины мы имеем целых обе: самое «Подсолнухи» и «Автопортрет с отрезанным ухом»!

Давид готов его убить либо сунуть головой под движущуюся часть холодильника. Кулайчук чувствует, что зарвался.

Кулайчук почти мирно:

– Между прочим, за «Подсолнухи» на Сотбис один толстосум отвалил тридцать восемь миллионов!

Давид тупо:

– Тридцать восемь чего?

Кулайчук саркастически:

– Да уж не попугаев!

Закурили. Давид с омерзением рассматривает свою пачкотню. За нее если чего и отвалит, думает он, то только по шею.

– Сколько, говоришь, отвалили? – задумчиво спрашивает он.

– Тридцать восемь миллионов непопугаев!..

– Ерунда, какая-то, – задумчиво говорит Бродский, глядя на свой рисунок. – Выходит, он гнался за комбайном!

– Кто гнался, – раздраженно кричит Кулайчук, – толсто-сум или Ван Гог?! Учти, Бродский, ты сегодня весь день говоришь загадками, зачем?!

– Да не Ван Гог, а будущий калека!.. Кричал водителю, стой, слей мне солярки! Водитель остановил трамвай, то есть комбайн, а этот дурак возьми и сунь ногу под движущуюся часть!

– Как он мог сунуть ногу под движущуюся часть, если комбайн стоит, – кричит пораженный такой логикой Кулайчук. – В прыжке?!

Давид тоже не знает.

Кулайчук кричит:

– Я и говорю, не надо деталей, важен принцип: *не подставляй!* А за счет чего ты стал калекой, что именно тебе отхватило: ногу или казенный валенок – это уже принадлежит истории! Важен символ: «*Друг, не подставляй!* Иначе, жена найдет себе другого, а мать сыночка – никогда!» Ферштейн?!

Давид не слышит.

Кулайчук продолжает:

– Я говорю, нужно изображать человека не под движущейся частью комбайна-убийцы, которая, кстати, у него где?! Давид! Я говорю, где у этого гада калечащие части, кроме советских профсоюзов?!

Давид молчит. Его мысли возле тридцати восьми милли-

онов, которые он вроде бы получил на Берлинском биеннале за плакат по технике безопасности при работе с жареными семечками. Крики Кулайчука возвращают его в грешную мастерскую, и они уже вдвоем долго смотрят на фотографию свекольного комбайна, которую Кулайчук по случаю вырезал из женского журнала. Сопя и обвиняя друг друга в некомпетентности, они ищут, которую из движущихся частей комбайна должно считать опасной, а на какой можно ехать домой. Остановились. Снова закуривают: получается полная чушь! Получается, что самая агрессивная часть комбайна находится сзади. Ругаются. Припоминают друг другу будущие обиды. Давид на правах главного свекловода отстаивает реализм в искусстве, в данном случае ногу.

– Если ты подставил ногу под движущуюся часть, – кричит он, размахивая линейкой, – ты, как честный человек, должен предупредить всех, особенно молодежь: не подставляй ногу, у тебя их всего две! Два раза подставишь, а что потом?!

– А я что предлагаю?! А я что предлагаю?! – кричит покрасневшийся Кулайчук и доказывает, что по законам современного искусства нужно изображать человека не непосредственно под движущимся предметом, а в некоей идее! Например, в виде астрального тела, покидающего туловище незадачливого колхозника! – Сейчас же все грамотные, – кричит он, имея в первую очередь себя!

– Какое такое тело?! – смутно говорит Давид. – Наша зада-

ча предупредить неосторожного путника. Сверхзадача – сохранить быстро тающее поголовье сельхоз работников. Нам за это деньги платят!

– За поголовье?!

– Я тебя убью, – говорит Давид с пугающим спокойствием. – И мне уже ничего не будет, потому что мне уже все равно!

Давид старше Кулайчука на десять лет и тяжелее на двадцать килограммов. Кулайчук это все быстро комбинирует, и любовь к жизни вытесняет принципы.

– Давай пойдем от обратного, – примирительно говорит он. – Давай призывать не прохожего, а самое комбайнера.

Давид тупо:

– В смысле комбайнера?!

Кулайчук ответственно:

– *«Водитель, не наезжай движущейся частью на все, что хоть отдаленно не напоминает кочан сахарной свеклы!»*

Давид садится и из последних сил пытается вникнуть в предложенную формулу. Видно, что он на грани умственного обморока. Его спасает приход Когосова. Когосов – старейшина и жуткий авторитет в области плаката. Измученные междоусобицей авторы бросаются к нему.

Давид:

– Леня, помири нас, а то я его убью!

Опытный Леня внимательно рассматривает рабочий материал, затем фотографию, затем злых художников.

– Ребята, – говорит он, – у вас ничего не выйдет!

– Почему, – говорят ребята, – говори точно!

– Потому, – говорит Когосов, – что это не свекольный комбайн, это угольный, где вы его взяли?

Давид *очень внимательно* смотрит на художника Кулайчука.

Кулайчук нервно:

– Что ты на меня смотришь?! Леня, что он на меня смотрит, как три тополя на Плющиху?!

Леня спасает Кулайчука для будущего, послав его за водой.

Куда ты мчишь, комбайн свекольный?

Глянь, путник движет малахольный!

Любовь к трем беляшам

В жизни нередко случаются красивые истории.

В жизни нередко случаются удивительные истории.

Но случаются они всегда с кем-то и в другом месте. А с нами если и случалось красивое, то разве что в детстве. И лишь много времени спустя вспомнишь то полустертое детское и думаешь, вздыхая: и зачем так торопился стать взрослым?!

Ну стал, и?..

И вот о красивом.

Была зима. Ира подвезла мужа, то есть автора, ко входу в театр, сказала, пока вы там будете долго разговаривать, по-

езжу по магазинам, может, что обнаружу.

И отчалила.

Уточним, был февраль, невразумительный слякотный день; календарь показывал нищий 1991 год от Р. Х. У автора была договорена встреча с одним главным режиссером одного главного театра. Третьим на встрече был заведующий литературной частью того театра, сокращенно завлит. Судя по интеллигентному, отчасти мрачному виду это был свой хороший человек, то есть умеренно пьющий.

Впрочем, непьющий завлит такое же нравственное недо-разумение, как поп-расстрига.

Разговор происходил в просторном кабинете главного; разговор был интересным и разговор затянулся. Ибо автору собеседники решительно понравились. Было заметно, что и автор тоже мог бы вписаться в их крепкий дуэт. Дело, по поводу которого встречались, незаметно ушло на второй план; началось неформальное, читай, человеческое общение. Общение, как и предполагала Ира, вышло долгим; даже один раз оделись и зачем-то вышли на улицу, как выяснилось, по глупости. Ибо продрогли, промочили ноги, попив вдобавок какого-то богомерзкого кофе. Вернулись с поднятыми бровями: зачем, спрашивается, пили да еще так дорого?! Но общее настроение не испортилось. Ира за это время успела объехать все торговые точки в центре, некоторые дважды с тем же успехом. Пару раз она напоминала о себе по телефону, третий раз явилась в театр напомнить лично. Поздоро-

вавшись с мужчинами и извинившись, она напонила автору, что им еще добираться домой, практически в другой город, а зимой сделать это непросто. Автор посмотрел на свой ботинок и неохотно пообещал сворачиваться. Ира отчалила с деликатным наказом не тянуть резину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.